

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И КРИМИНАЛИСТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции**

(12 октября 2022 г.)

Сборник статей

Краснодар
2023

УДК 343.13:343.98
ББК 67.410.2: 67.520
Т11

Ответственный редактор:

***Бородинова Т.Г.**, Заслуженный юрист Кубани,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

Т11 Теоретические и практические проблемы современного уголовного судопроизводства и криминалистики в Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции (12 октября 2022 г.). Сборник статей / Отв. ред. Т.Г. Бородинова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2023. – 92 с.
ISBN 978-5-91718-745-7

Настоящий сборник включил научные статьи, посвященные актуальным проблемам правопонимания и правореализации отечественного уголовно-процессуального законодательства, актуальным вопросам современной реализации криминалистики и судебной экспертной деятельности.

Рекомендуется студентам, аспирантам и преподавателям дисциплин уголовно-правового профиля, а также всем, чьи научные интересы связаны с проблемами современного уголовного судопроизводства.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ББК 67.410.2: 67.520
УДК 343.13:343.98

ISBN 978-5-91718-745-7

© Коллектив авторов, 2023
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Афони́на В.А. Изменение процессуального статуса свидетеля по уголовному делу как ограничение конституционного права	6
Аширбекова М.Т. Вердикт присяжных заседателей в системе судебных решений	8
Бородинова Т.Г. Кассационное производство в уголовном процессе России: продолжение реформирования	14
Гаевой А.И. Производство допроса и очной ставки с использованием систем видео-конференц-связи: современные проблемы теории и практики ее применения	19
Губко И.В. Роль председательствующего в процессе рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции	24
Исханова С.А. Роль и значение цифровых технологий в стадии предварительного расследования уголовного судопроизводства России	27
Колесникова Л.Г. Обстоятельства, доказывающие отсутствие события преступления: проблемы их установления	34
Кольчу́рин А.Г. Применение мер уголовно-процессуального принуждения к участникам уголовного судопроизводства, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми	36
Костенко Р.В. Фундаментальные дефекты УПК РФ, связанные с обоснованностью некоторых решений на досудебном производстве в уголовном процессе	40
Кузнецов С.В., Лодягин А.Н., Батоцыренов Б.В. Идентификация личности неустановленных живых лиц, поступивших с острыми отравлениями в региональные токсикологические центры	43

Магомедкасумов Г.Т. Решение проблемы фиксации следов зубов человека на пищевых продуктах с помощью 3D копирования	46
Марченко С.А. Роль суда в доказывании при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ	49
Овчинникова Е.А. Перспективы законодательного совершенствования суда присяжных в российском уголовном процессе	55
Петрикин В.Ю. Защита от подозрения в досудебном производстве	57
Петрикина А.А. Специальные знания как один из факторов, влияющих на качество судебных решений	60
Плетнев В.В. Криминалистические версии как инструмент обнаружения доказательств	62
Пшава В.В. К вопросу о проблемных аспектах развития «цифровой криминалистики»	66
Рябова А.В. Возмещение морального вреда: зарождение и развитие в законодательстве России	69
Садикова Ю.В. Особенности реализации принципа справедливости в уголовном производстве с участием коллегии присяжных заседателей	74
Смирнов А.В. Юридические фикции в уголовном праве и процессе	78
Стрельникова К.В. Подготовительные действия суда первой инстанции для передачи уголовного дела в суд кассационной инстанции: порядок и последствия его нарушения	82
Тарасов А.В. Проблемные аспекты внедрения комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) в деятельности адвокатов, на примере Краснодарского края	87

ВВЕДЕНИЕ

Содержание предлагаемого читателю научного издания представлено материалами Всероссийской научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам правопонимания и правореализации отечественного уголовно-процессуального законодательства, актуальным вопросам современного развития криминалистики и судебно-экспертной деятельности, организованной кафедрой уголовного-процесса Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия 12 октября 2022 года.

В работе данной конференции приняли участие не только ученые-процессуалисты, но и практикующие юристы в области уголовного судопроизводства, что придало материалам конференции не только теоретическое, но и прикладное значение. В настоящем сборнике публикуются положения основных докладов, прозвучавших на конференции, а также письменные материалы, поступившие в адрес организационного комитета мероприятия от коллег, не имевших возможности лично принять участие в работе конференции.

Достаточно широко определенная тематика конференции позволила строго не ограничивать простор научных интересов участников и представить доклады по различным актуальным темам науки уголовного процесса, криминалистики и судебной деятельности. Потому в настоящем издании можно найти материалы, касающиеся как общих вопросов процессуальной организации уголовного судопроизводства, так и материалы, относящиеся к конкретным видам уголовно-процессуальной, криминалистической и экспертной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

Не остались без внимания современные новации в уголовно-процессуальном законодательстве, касающиеся различных стадий и этапов уголовного процесса, уделено достаточно большое внимание инновационным средствам, применяемым в уголовном судопроизводстве, рассмотрены особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий.

Материалы конференции запланировано поместить в электронной библиотеке с последующим индексированием научных статей в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), что позволит ознакомиться с ними широкому кругу читателей по всей России и за ее пределами.

Организаторы конференции выражают искреннюю благодарность всем участникам за активное и плодотворное участие в работе научно-практической конференции и выражают надежду на дальнейшее творческое сотрудничество. Будем рады пополнению рядов участников научных мероприятий, проводимых нашей кафедрой из числа читателей настоящего сборника.

Будем благодарны откликам тех, кого заинтересовал настоящий сборник.

*Т.Г. Бородинова,
Заслуженный юрист Кубани,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказского филиала РГУП*

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Афони́на Вера Андреевна
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства нельзя рассматривать, отчуждая основные права и свободы личности, которые каждому гарантированы Конституцией Российской Федерации. Правовое государство предполагает, что признание и защита прав и свобод граждан является его приоритетной задачей. Именно поэтому особое внимание необходимо уделить процессуальному положению свидетеля на досудебных стадиях уголовного процесса, так как зачастую именно он и его права и свободы подвергаются ущемлению. В рамках данного исследования рассмотрено правовое положение свидетеля в уголовном судопроизводстве, отличие его процессуальных прав от подозреваемого по уголовному делу, а также предложены определенные изменения современного уголовно-процессуального законодательства, затрагивающие права и свободы свидетеля как участника судопроизводства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, процессуальный статус свидетеля, свидетель, обвиняемый, УПК РФ, права и свободы личности.

Уголовно-процессуальным законодательством определено, что каждый из участников уголовного судопроизводства на той или иной его стадии наделяется определенным процессуальным статусом, который закрепляет за ним определенные права и обязанности. Положения ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации¹ (далее УПК РФ) определили уголовное судопроизводство назначается с целью защиты прав и законных интересов личности и организаций, которые тем или иным образом пострадали от действий преступного характера, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Нередки случаи в практике, когда статус участника уголовного судопроизводства подвергается изменениям в связи с возникшими основаниями. Условно разграничим случаи изменения процессуального статуса участника по уголовному делу на допустимые и недопустимые. В рамках допустимых

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

случаев изменения процессуального статуса – переход от статуса подозреваемого к статусу обвиняемого. В данном случае изменение процессуального статуса происходит исключительно на законных основаниях, после предъявления первого обвинения. Но как пример недопустимых случаев, где происходит необоснованное и незаконное изменение статуса участника по уголовному делу, может послужить переход из статуса свидетеля в статус подозреваемого по рассматриваемому уголовному делу.

На практике, должностные лица, осуществляющие предварительное следствие, имея достаточно большой опыт производят допрос граждан в статусе свидетеля, хотя заведомо для них он должен находиться в статусе подозреваемого. Свидетель – это лицо, которое обладает необходимой информацией для расследования и разрешения уголовного дела и предоставляющее данную информацию по требованию органа предварительного расследования. Подозреваемым же по уголовному делу является лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, либо в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо лицо, которое уведомлено надлежащим образом о подозрении его в совершении преступного деяния.

Необходимо уточнить, что на этапе предварительного расследования свидетель обладает меньшим объемом прав, чем подозреваемый по уголовному делу. Свидетель в отличии от подозреваемого в соответствии с положениями п. 6 ст. 56 УПК РФ и п. 4 ст. 46 УПК РФ не имеет права давать заведомо ложные показания и (или) отказываться от дачи показаний. Нельзя не учитывать тот факт, что зачастую следователи при недостаточности доказательств и оснований для выдвижения обвинений лицу осуществляют его допрос (или вовсе проводя беседу без протокола) в статусе свидетеля предупреждая его о том, что он вправе не свидетельствовать против себя и своих близких родственников¹. Такая манипуляция позволяет в некотором смысле расположить к себе допрашиваемого, который в связи с отсутствием у него знаний уголовно-процессуального законодательства полагает, что его процессуальный статус как свидетеля может «спасти» его от наступления негативных последствий в виде вменения ему уголовной ответственности. Тут же отметим очевидное, что, получив всю необходимую, недостающую информацию в ходе проведенного допроса, происходит изменение процессуального статуса допрашиваемого лица со свидетеля на подозреваемого. Данные действия следует квалифицировать как нарушение конституционного права граждан на защиту.

Следует согласиться с позицией А.В. Земцовой, которая в своей монографии отметила, что «допрос в качестве свидетеля лица, в отношении которого проводятся следственные действия, направленные на его изобличение и свидетельствующие о наличии против него подозрений, нарушает права фактически подозреваемого по уголовному делу, в том числе право на

---

¹ Хайдаров А.А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника уголовного судопроизводства / А.А. Хайдаров // Журнал российского права. – 2018. – № 8(260). – С. 140.

защиту. Полученные свидетельские показания должны признаваться в подобных случаях недопустимым доказательством в силу несоблюдения такого условия допустимости, как надлежащий источник показаний»¹.

В связи с вышеизложенным считаем, что позиция А.В. Ендольцевой и Ю.В. Ендольцевой о необходимости закрепления на законодательном уровне права свидетелей привлекать адвоката не только при производстве допроса, но и при проведении иных следственных мероприятий таких как очная ставка, освидетельствование, проверка показаний на месте и т.д.² Изменение процессуального статуса свидетеля по уголовному делу должно повлечь наложение не только определенных процессуальных обязанностей на него, но и расширить его возможность использования дополнительных процессуальных прав, гарантированных ему Конституцией РФ и отдельными положениями УПК РФ.

По нашему мнению, несмотря на активный интерес у различных ученых-процессуалистов и правозащитников к проблеме неправомерного изменения процессуального статуса участников уголовного судопроизводства – случаи с изменением статуса свидетеля на статус подозреваемого это лишь малая часть процессуальных пробелов, которая нуждается в контроле и требует определенных изменений не только в рамках отечественного уголовного процесса, но и в зарубежном праве.

ВЕРДИКТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Аширбекова Мадина Таукеновна

доктор юридических наук,

профессор кафедры уголовного

процесса и криминалистики,

Волгоградский институт управления

филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье отмечается, что УПК РФ прямо не позиционирует вердикт присяжных заседателей как процессуальное решение. Кроме того, нет и прямого текстуального указания на то, что именно вердикт – основа приговора, постановляемого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. Значимость вердикта предполагает потребность уяснения его природы как вида правоприменительного решения. Несмотря

---

¹ Земцова А.В. Допустимость показаний свидетеля при производстве по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 12.

² Ендольцева А.В. Обеспечение прав и законных интересов свидетеля при производстве по уголовному делу / А.В. Ендольцева, Ю.В. Ендольцева // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 129.

на то, что присяжные разрешают вопросы факта на основе своих представлений о справедливости и жизненном опыте, то есть без обращения к нормам материального и процессуального закона, автор полагает, что с точки зрения интегративного подхода к правоприменению деятельность присяжных следует понимать как правоприменение, а постановляемый ими вердикт – как особое правоприменительное решение.

Ключевые слова: присяжные заседатели; вердикт; независимый и беспристрастный суд.

В системе судебных решений суда первой инстанции особое место занимает приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей. Законодатель уделил внимание понятию «вердикт», указав в п. 5 ст. 5 УПК РФ, что «вердикт – решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей». Однако в этом понятии не акцентируется, что вердикт являет собой основу содержания приговора, то есть связан с ним. Нет в законе и указания на то, что вердикт – процессуальное решение, по крайней мере, в п. 33 ст. 5 УПК РФ, содержащим перечень видов процессуальных решений, вердикт не упоминается.

Безусловно, отмеченное не исключает понимания того, что вердикт – основа приговора, постановленного в судебном разбирательстве с участием присяжных, а потому пусть не прямо, но через приговор, охватывается понятием «процессуальное решение», так как последнее принимается судом, а присяжные входят в состав суда.

Обращает внимание, что законодатель в п. 5 и п. 28 ст. 5 УПК РФ для понятий «вердикт» и «приговор» использует одно и то же словосочетание «решение о виновности или невиновности подсудимого» как ответ на основной вопрос уголовного процесса. Очевидно, в силу этого, законодатель оперирует понятиями обвинительный и оправдательный вердикт и показывает их значение для постановления соответствующего приговора. Так, например, в положениях ч. 2, 3 ст. 342 УПК РФ указывается какое распределение голосов присяжных должно быть при вынесении обвинительного вердикта, а какое при оправдательном вердикте. В «привязке» к понятию приговор законодатель также устанавливает, что оправдательный вердикт – основание для оправдательного приговора (ч. 4 ст. 302 УПК РФ), соответственно отражая это в п. 2 ст. 351 УПК. Однако надо заметить, что в законе отдельно не уточняется, что обвинительный вердикт – основание для обвинительного приговора, да и в п. 3 ст. 351 УПК РФ, где изложены требования к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора нет отсылки к обвинительному вердикту.

Все эти моменты юридической техники вкупе с тем, что УПК РФ не дает общего понятия приговора, постановленного на основании вердикта, как вида итогового судебного решения, конечно, можно признать не критичными. Ясно, что это не влияет определяющим образом ни на самих присяжных, ни на председательствующего в судебном разбирательстве, в целом –

на практику. Куда сложнее реальная деятельность по организации и проведению судебного разбирательства с участием присяжных. Глубина сложности такой деятельности зримо отражается в апелляционных определениях, отменяющих оправдательный или обвинительный приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, то есть в реальной судебной практике. Неслучайно летом 2022 года в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» были внесены дополнения, ориентирующие на создание условий для объективности и беспристрастности присяжных заседателей при вынесении вердикта¹.

Потому с точки зрения значимости такого приговора и судебного разбирательства с участием присяжных было бы оправдано уделить в УПК РФ место для расположения понятия такого приговора, синхронизировать положения о вердикте как основании обвинительного и оправдательного приговора. Так, первое предложение в ст. 351 УПК РФ можно изложить следующим образом: «Приговор *постановляется на основании вердикта присяжных заседателей* в порядке, установленном главой 39 настоящего Кодекса, со следующими изъятиями: ...». А в пункт 3 этой же статьи также внести следующее уточнение: «в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться описание преступного деяния, в совершении которого подсудимый признан виновным *обвинительным вердиктом присяжных заседателей*, квалификация содеянного, мотивы назначения наказания и обоснование решения суда в отношении гражданского иска».

Значимость такого приговора обусловлена тем, что именно суд присяжных традиционно воспринимается как подлинно состязательный и беспристрастный суд. Это не просто патетика.

Известно, что именно в судебном разбирательстве с участием присяжных чаще всего постановляются оправдательные приговоры. В разные годы удельный вес таких приговоров несколько различался, но всегда был значительно выше в сравнении с количеством оправданий в общем порядке судебного разбирательства. Наивысшее число оправданий судом присяжных пришлось на 2021 год: было рассмотрено всего 1019 дел в отношении 1150 лиц, из которых 68 % было осуждено, а 32 % – оправдано вердиктом присяжных².

Но уже в 2022 году показатель оправданий присяжными сократился до 27 %, но и это само по себе немало, если иметь в виду, что за указанный

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22 О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.01.2023).

² Присяжные в России в 2021 году оправдали треть подсудимых. – URL : <https://www.vsrp.ru/presscenter/massmedia/30777> (дата обращения 10.02.2022).

год не было вообще оправдательных приговоров, постановленных в общем порядке судебного разбирательства¹.

Такие данные показывают, что участие присяжных в судебном разбирательстве (а именно слово «участие» используется в названии гл. 42 УПК РФ для выделения рассматриваемой формы судебного разбирательства) наполняется и фактоустановительной, и оценочной деятельностью присяжных, их внимательным и критическим подходом к позиции должностного обвинения. Словом, так, как это и должно быть свойственно беспристрастному суду. Вердикт – результат таковой деятельности. Но деятельность присяжных и условия этой деятельности в любом случае имеют отличия от деятельности суда и сторон в порядке производства в судебном разбирательстве по правилам гл. 36–39 УПК РФ. А если есть отличия, то это нельзя не учитывать в аспекте постановки вопроса о том, является ли такая деятельность в строгом смысле правоприменительной, то есть такой же, какую реализуют суд в составе исключительно федеральных или мировых судей.

Судебная деятельность присяжных по разрешению основного вопроса уголовного судопроизводства о виновности/невиновности подсудимого не вмещается в традиционное понимание правоприменения как деятельности властных процессуальных субъектов, которые сами устанавливают фактическую и юридическую основу правового спора, выводы по которым отражают в правоприменительном акте. Понятно, что с точки зрения этапов применения права (установление фактической основы дела – установление юридической основы – постановление правоприменительного решения)², в судебном разбирательстве с участием присяжных происходит разделение: вопросы факта, хотя не все, а только те, что в самом законе отмечены как основные, разрешаются присяжными, а вопросы права – председательствующим судьей. Соответственно, итоговое судебное решение – приговор – аккумулирует выводы по этим вопросам, содержательно основываясь на вердикте. В чем же проблема?

Проблема в том, что деятельность присяжных по установлению фактических обстоятельств дела (п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ) не должна бы пониматься как элемент применения права, поскольку присяжные изначально, что называется «на берегу», не ориентированы ни на какую норму уголовного закона, подлежащую реализации по разрешаемому уголовному делу.

Процессуальная деятельность присяжных специфична, поскольку они «не будучи профессиональными судьями и опираясь при оценке доказательств и принятии решения преимущественно на свой жизненный опыт и сформировавшиеся в обществе представления о справедливости, не обязаны

---

¹ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева по итогам 2022 года. – URL : <https://www.vsrf.ru/files/32123> (дата обращения 19.02.2023).

² Общая теория государства и права. Академический курс : в 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко. – М. : Издательство «Зерцало», 1998. – Т. 2. – С. 319.

мотивировать сделанные ими в вердикте выводы, а председательствующий, постановляя приговор, лишь ссылается на обстоятельства, признанные присяжными установленными, но не должен аргументировать принятое ими решение собственными доводами»¹.

Существо вердикта заключается прежде всего в констатации доказанности деяния (события преступления), участия в этом деянии подсудимого, а также виновности/невиновности последнего.

Тут заметим, что слово «вердикт» в переводе с латыни (*vere dictum*) означает «истинно сказанное»². Однако истинность вердикта в части установления события преступления, участия в нем подсудимого и вывода о его виновности или невиновности всегда презюмируется, а утверждения присяжных, как уже отмечалось выше, не нуждаются в обосновании и мотивировки. Очевидно, по этой причине в русском уголовном процессе слово «вердикт» воспринималось и в значении «справедливо сказанного»³, поскольку результаты своей фактоустановительной деятельности присяжные оценивают вовсе не с позиции закона, а с точки зрения существующих моральных (социальных) норм о справедливости или представлений о ней. Таким образом, процессуальная деятельность присяжных протекает вне парадигмы позитивистского типа правопонимания и соответствующего ему правоприменения легистского толка, вследствие чего, к слову, возникает явление нуллификации закона вердиктом. В самом общем выражении нуллификация – «устранение действия уголовного закона в отношении конкретного лица, которого профессиональный суд, несомненно, признал бы виновным в совершении инкриминируемого преступления»⁴, выход за рамки уголовного закона, хотя он такие отношения урегулировал. Примером нуллифицирующего вердикта было оправдание в 1995 году Веры Краскиной, обвиненной в убийстве своего сожителя во время его сна, при том, что сами присяжные утвердительно ответили на вопросы о доказанности события преступления, о том, что его совершила именно подсудимая, которую потерпевший обещал убить⁵. Нельзя сказать, что такие вердикты – частое явление.

Как видится из практики, большинство вердиктов имеют «стык» с нормами уголовного закона. Например, в случае признания присяжными

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.09.2022 № 35-П По делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И. Борисова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.02.2023).

² Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 186.

³ Словарь иностранных слов. – URL : <http://www.megaslov.ru/html/v/verdikt.html> (дата обращения 27.01.2023).

⁴ Есаков Г.А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей / Г.А. Есаков // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 121.

⁵ Вердикт «на всю Ивановскую» – как коллегия присяжных признала убийство, а подсудимую невиновной. – URL : <https://pravo.ru/process/view/123310> (дата обращения 30.01.2023).

вины подсудимого с разрешением вопроса об оказании ему снисхождения при назначении наказания. Тут ненормативные регуляторы о справедливости согласуются в целом с нормами уголовного закона, закрепившим принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). Кроме того, допускается оглядка присяжных на закон, коль скоро они вправе запросить от председательствующего разъяснения тех или иных норм, относящихся к делу (п. 2 ч. 1 ст. 333 УПК РФ). Такое случается, например, при доказанности события преступления и участия в нем подсудимого, действия которого присяжные восприняли как совершенные в целях и пределах необходимой обороны¹.

Но является ли вердикт правоприменительным решением, которое в традиционном (позитивистском) понимании правоприменения, должно осуществляться на основе действующего законодательства и исключительно властным субъектом юрисдикционного правоприменительного процесса?

Думается, что да. Но в других координатах правопонимания и правоприменения. Иначе говоря, не в рамках позитивистской концепции правопонимания.

Вердикт следует рассматривать как правоприменительный акт, но в координатах естественно-правового типа правопонимания, альтернативного, но всецело не оппозиционного современной картине юридического позитивизма. Надо отметить, что сейчас концепция естественно-правового типа правопонимания не отвергается, а активно вовлекается в развивающееся учение об интегративном правоприменении, «суть которого состоит в том, чтобы не противопоставлять различные типы правопонимания, а находить точки их соприкосновения»².

Интегративный подход «не устанавливает каких-либо содержательных характеристик права, а формирует лишь его контуры, которые позволяют создать определенный правовой рисунок исключительно в конкретных исторических условиях с учетом действующих разнообразных объективных и субъективных факторов»³.

В этом плане интегративное правоприменение для суда присяжных является «родным», и оно, безусловно, отличается от правоприменения, которое долгое время в советской, а затем и в российской юридической науке трактовалось как функциональное выражение нормативистского типа

---

¹ Вопросы, связанные с установлением состояния необходимой обороны // Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 14.02.2023).

² Ершов В.В. Актуальные проблемы экспертной деятельности Общественной палаты Российской Федерации в свете современного правопонимания, правотворчества и правоприменения / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 105.

³ Палеха Р.Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права / Р.Р. Палеха // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 1(8). – С. 67.

правопонимания, основанного на требовании соблюдения законности, то есть строгого и безусловного следования правоприменителями формально-определенным нормативным установлениям. Понятно, что такой подход остался неизменным для публичных субъектов, ведущих уголовный процесс. Корнев: «Российское законодательство не знает права, например, судьи отказаться в определенных случаях от применения того или иного закона в силу его противоречия справедливости, моральным установкам и т.д. Отсюда возможно возникновение коллизий между внутренним убеждением правоприменителя и содержанием действующего позитивного права»¹.

А присяжные заседатели, как представители гражданского общества, в этом плане свободны, поскольку свободны от юридических знаний и должностной обязанности применять уголовный закон адекватно установленным фактическим обстоятельствам. По этой причине, думается, процессуальную деятельность присяжных вполне можно рассматривать и в разрезе выделяемого Ю.А. Тихомировым режима правоприменения вне правоотношений, когда правоприменитель не задействует нормы закона, но опирается «на неправовые регуляторы – традиции, деловые обычаи, нормы нравственности, корпоративные правила, которые признаются и поддерживаются правом, но не всегда требуют «правовой оболочки»².

Приведенные суждения об интегративном подходе к правоприменению, как представляется, позволяют понимать деятельность присяжных как правоприменение, а постановляемый ими вердикт – как особое правоприменительное решение.

КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

*Бородинова Татьяна Геннадьевна
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар*

Аннотация. Из всей системы процессуальных форм проверки судебных решений по уголовным делам кассация в последние годы стала едва ли

---

¹ Корнев В.Н. Правотворчество, правоприменение и содержание права / В.Н. Корнев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 8(48). – С. 36.

² Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от стихийности к системе / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 29.

не самым реформируемым процессуальным институтом. При этом модернизация ее правового регулирования шла двумя путями: включением новаций и отказе от ранее существовавших норм правового регулирования. В институт кассационного производства возвращаются такие элементы правового регулирования как кассационный срок обжалования и инстанционность кассационного обжалования. Эти процессуальные категории и подвергаются авторскому анализу с позиции своевременности и обоснованности их включения в рассматриваемый институт.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, правосудие, срок обжалования, инстанционность, кассационное производство.

В настоящее время кассационное производство представляет собой объемный, систематизированный институт, характеризующийся своими специфическими особенностями, позволяющими говорить о его уникальности в системе иных контрольно-проверочных институтов. При этом в последние годы процесс реформирования данного института приобрел практически перманентный характер.

Анализ законодательных изменений уголовно-процессуального законодательства на современном уровне показывает высокую степень новеллизации института кассационного производства. Активное совершенствование данной стадии уголовного процесса говорит о его востребованности в процессе практической реализации заинтересованными участниками судопроизводства права на судебную защиту посредством обжалования вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам.

Именно судебная правоприменительная практика в процессе реализации уголовно-процессуальных норм выделяет из их объема наиболее эффективные, равно как и выявляет нормы, реализация которых малопродуктивна либо затруднительна. Обобщение данной практики и подталкивает Верховный Суд Российской Федерации выходить с законодательными инициативами относительно необходимости реформирования контрольно-надзорного производства, которое стоит на страже справедливого, своевременного и законного правосудия, в идеале исключая судебные ошибки.

Обращаясь к анализу нормативного содержания кассационного производства по уголовным делам, хотелось бы обратить внимание на то, что за последнее пятилетие оно существенно видоизменилось как в судопроизводственном, так и процессуально-правовом значении. Наиболее значимые новации коснулись порядка подачи и рассмотрения кассационных ходатайств в порядке ст. 4017–4018 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, в результате чего появились различные формы передачи кассационных жалобы, представления в судебное разбирательство, осуществляемое кассационной инстанцией («сплошная» и «выборочная»

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

кассация)¹. Правоприменительная практика уже довольно успешно освоила эти нововведения.

Но законодатель не остановил процесс реформирования кассационного производства и последовательно внес изменения в нормативную регламентацию срока кассационного обжалования и его инстанционного порядка. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 24 февраля 2021 года № 15-ФЗ² был установлен шестимесячный срок обжалования в порядке «сплошной кассации». В название статьи 401.3 УПК РФ, помимо «порядка», были включены «сроки» подачи кассационных жалобы, представления, а ее содержание пополнилось частью 4, в соответствии с которой кассационные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в порядке, предусмотренном статьями 401.7 и 401.8 УПК РФ, должны подаваться с учетом шестимесячного срока со дня вступления в силу приговора или иного итогового акта по уголовному делу.

Уместно заметить, что в историческом прошлом кассационное обжалование судебных решений по уголовным делам в России практически всегда имело ограничительные пределы, что логично следует из самой темпоральной (временной) природы уголовного процесса, неотъемлемо включающей как начало его течения, так и окончание. Это положение распространяется не только на весь уголовный процесс, но и на его отдельные этапы, процессуальные действия, нуждающихся в четких временных границах уголовно-процессуального регулирования, связываемых, в большинстве случаев, с установлением фиксированного срока, а в некоторых случаях, с возникновением определенного юридического факта.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что фактически из суммы сроков отдельных видов производств в уголовном процессе складывается его общий срок, непосредственно влияющий на оценку разумного срока уголовного судопроизводства по конкретному делу. Именно процессуальные сроки являются действенными процессуальными средствами, стимулирующими поэтапное движение уголовного дела.

Напомним, что в новейшей истории развития института кассационного производства, условно начавшейся с 2013 года, был предусмотрен годичный срок кассационного обжалования итоговых судебных актов со дня вступления их в законную силу. Однако на основании Федерального закона № 518-ФЗ от 31 декабря 2014 года³ ограничительный срок кассационного

---

¹ См. подробнее: О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 // Российская газета. – 2019. – 03 июля. – № 142.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24 февраля 2021 года № 15-ФЗ // Российская газета. – 2021. – 26 февраля.

³ О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.12.2022).

обжалования был упразднен, на основании того, что «недопустимо было ограничивать право кассационного обжалования незаконных решений с целью улучшения положения осужденного, поскольку это не способствовало исправлению допущенных ошибок»¹. Позже эта позиция была подвергнута обоснованной критике, в результате чего ограничительный срок в процедуру кассационного обжалования был возвращен.

Считаем, что существование конкретного срока кассационного обжалования приговора либо иного итогового судебного акта имеет равно важное значение как для осужденного (оправданного), так и для потерпевшего. Определенность правовых отношений органично связывается с определенным процессуальным сроком. Период кассационного обжалования не должен быть неопределенно длительным, способным причинить дополнительные и неоправданные нравственные переживания заинтересованным участникам судопроизводства.

Полагаем, что конкретизация срока кассационного обжалования итоговых решений по уголовным делам в порядке «сплошной кассации» не может расцениваться как препятствие на пути реализации данного права. Как совершенно верно подчеркнул В.А. Давыдов: «Срок для обжалования судебного решения в кассационном порядке по правилам сплошной кассации никак не ограничивает и не может ограничивать стороны в обжаловании приговора, определения, постановления суда, а лишь упорядочивает саму процедуру обжалования»².

С позиции судебного права, ограниченность срока обжалования в порядке сплошной кассации – это одно из закономерных условий данной процедуры, присущих кассационному обжалованию в других видах судопроизводства (административном, гражданском, арбитражном). Фиксированный срок обжалования итоговых решений по уголовным делам отвечает интересам единообразия процессуального регулирования однотипных процедур в судебных процессах.

Наличие конкретных сроков различных этапов уголовного процесса оказывает дисциплинирующее влияние на всех участников уголовного судопроизводства, понуждая их оперативнее реализовывать свои права, в том числе, и право на кассационное обжалование судебных актов. Упорядочивание процедуры кассационного обжалования в виде определенного срока напрямую отразилось на определенности в вопросе о возможности прохождения уголовного дела в стадию кассационного производства. Пропущенный без уважительной причины срок кассационного обжалования является основанием к лишению сторон права на кассационное обжалование и,

---

¹ Добровлянина О.В. Некоторые проблемы, возникающие в связи с кассационным обжалованием апелляционного определения краевого суда по уголовному делу / О.В. Добровлянина // *Ex Jure*. – 2021. – № 2. – С. 146.

² Давыдов В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК / В.А. Давыдов // *Уголовный процесс*. – 2020. – № 9. – С. 22.

следовательно, вступивший в законную силу приговор наделяется свойством стабильности.

В связи со сказанным считаем заслуживающей поддержки позицию, выраженную в современной науке о том, что установление кассационного срока вполне обоснованно рассматривается как фактор эффективности судебной защиты¹.

Еще одним важным шагом законодателя на пути реформирования института кассационного производства стало упорядочивание инстанционности в процедуре кассационного обжалования. Как известно, сущность инстанционности, как условия последовательного хода уголовного судопроизводства, заключается в необходимости соблюдения очередности прохождения определенных этапов судопроизводства, в данном случае – контрольно-проверочных судебных инстанций.

На основании Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ кассационные жалоба и представление могут быть приняты к рассмотрению судом кассационной инстанции только при «условии, что такое судебное решение было предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции»².

До этого процедура кассационного обжалования такого обязательного условия не содержала. Ранее субъекты обжалования после вступления судебного решения, постановленного судом первой инстанции, в законную силу, имели право напрямую обращаться в соответствующий суд кассационной инстанции минуя апелляционную инстанцию. Заметим, что ранее участниками уголовного процесса довольно часто игнорировалась возможность проверки обжалуемого судебного решения в апелляционном порядке, не взирая на потенциальную возможность скорейшим образом получить удовлетворение своих требований.

Так, согласно официальной судебной статистике, «в 2020 году из общего числа дел, рассмотренных по правилам сплошной кассации, 16 % не были предметом проверки в суде апелляционной инстанции. По результатам кассационного пересмотра таких дел отменены и изменены судебные решения в отношении 990 лиц, что составляет более 20 %. За 7 месяцев 2021 года судами кассационной инстанции по делам, которые не были проверены в апелляционном порядке, отменены и изменены судебные решения в отношении 1426 лиц (более 30 %)»³.

---

¹ Непомнящих Л.А. Срок кассационного обжалования как фактор эффективности правовой защиты / Л.А. Непомнящих // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1. – С. 61–66.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ // Российская газета. – 2022. – 30 июня.

³ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 44 от 14 дек. 2021 г. Официальный сайт Верховного суда РФ. – URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30615> (дата обращения: 12.12.2022).

Очевидно, что данное положение вещей говорит о высоком авторитете судов кассационной инстанции, но, в тоже, время свидетельствует о проблемах, связанных с малой эффективностью восстановления нарушенных неправосудным приговором или иным итоговым судебным решением по уголовному делу в апелляционном порядке, при том что обоснованно «апелляционная форма пересмотра судебных решений считается наиболее важной гарантией соблюдения прав человека»¹.

Игнорирование возможностей апелляционного порядка проверки и пересмотра судебных актов, при котором имеются расширенный предмет пересмотра и полный набор процессуальных средств исправления судебных ошибок, допущенных судом первой инстанции, по нашему мнению, непродуктивно и неоправданно перегружало суды кассационных инстанций, которые вынуждены были зачастую выходить за пределы предмета кассационного пересмотра, восстанавливая законность и справедливость в необходимых случаях.

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

*Гаевой Александр Иванович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются современные проблемы правовой регламентации применения видео-конференц-связи на досудебных стадиях уголовного процесса; проводится сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих ее применение на стадиях досудебного производства. Акцентируется внимание на существующих недостатках в нормативно-правовом ее регулировании. Высказываются выводы и предложения автора по их возможному преодолению.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, технические средства, уголовно-процессуальный институт применения технических средств в уголовном судопроизводстве; принципы применения технических средств; процессуальный порядок допроса, очной ставки и с использованием систем видео-конференц-связи.

---

¹ Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2015. – С. 838.

Технологический прорыв в области применения современных цифровых средств связи и телекоммуникации, наблюдающийся в российском обществе в последние 15–20 лет не только существенно изменил условия человеческого труда, но и повысил его эффективность во многих его областях деятельности. Не стало исключением в этом отношении и судопроизводство. К числу наиболее интересных, на наш взгляд, и весьма перспективных направлений в судопроизводстве следует отнести использование систем видео-конференц-связи.

История применения ее в уголовном судопроизводстве насчитывает немногим чуть более двадцати лет, а если быть точнее, то с 18 ноября 1999 года, когда в Челябинском областном суде в кассационной инстанции впервые была использована система видео-конференц-связи (далее – ВКС). По этому поводу «пресс-службой» суда отмечалось, что – «...день 18 ноября 1999 года стал революционным для правосудия России...»¹.

Историческим событием для следственной практики расследования преступлений, связанным с предоставлением права следователю, дознавателю проводить допросы, очные ставки и предъявление для опознания с использованием ВКС, можно считать 30 декабря 2021 года, т.е., день введения в перечень статей УПК РФ, ст. 189.1 УПК².

Применение систем ВКС теперь уже на досудебных стадиях процесса, фактически стало третьим этапом расширения ее юрисдикции в уголовном судопроизводстве. Как известно, два предыдущих касались только производства процессуальных действий в стадиях судебного разбирательства по уголовному делу (ч. 4 ст. 240, 277 и 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК).

Надо признать, что это событие для органов предварительного расследования в некотором смысле было ожидаемым, поскольку этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, многолетний весьма положительный опыт использования ВКС в стадиях судебного разбирательства.

Во-вторых, к этому моменту была принята государственная программа, утвердившая Концепцию развития цифровой экономики в РФ, в том числе и в судопроизводстве Российской Федерации.

В-третьих, постепенно складывающаяся положительная практика использования ВКС и в следственной практике несмотря на отсутствие правовой регламентации ее применения.

---

¹ Гринь Д.С. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве / Д.С. Гринь // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 4(146). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-primeneniya-video-konferents-svyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения 02.10.22).

² См.: Федеральный закон: «О внесении изменений в Уголовно- процессуальный кодекс РФ» №501-ФЗ от 30.12.2021. // СПС «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система. – URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.22).

В-четвертых, это собственно признание судами отдельных регионов России результатов допросов и очных ставок, проведенных с использованием систем ВКС, в качестве допустимых доказательств¹.

В-пятых, не последнюю роль в решении данного вопроса сыграла и сложившаяся на тот момент эпидемиологическая обстановка в стране, связанная с принятием мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции «COVID-19».

В-шестых, назревшая неизбежность оптимизации уголовного судопроизводства, особенно на досудебных его стадиях, в первую очередь, за счет сокращения финансовых расходов на судебные издержки, а также времени, отводимого на производство допросов, очных ставок и опознания, особенно в тех случаях, когда их участники находятся на значительном расстоянии от места производства расследования.

В-седьмых, неоднократное обращение должностных лиц, наделенных законодательной инициативой, с законопроектами о внесении изменений в нормы УПК с целью предоставления возможности органам предварительного расследования использовать системы ВКС при производстве следственных действий.

Анализируя содержание норм, нашедших свое закрепление в ст. 189.1 УПК РФ, не трудно заметить присутствие в них целого ряда противоречий, ставших следствием использования законодателем не совсем точных формулировок, как терминологического, так и логического характера.

Собственно, данное обстоятельство и послужило причиной обращения к этой проблематике и написания данной статьи.

Удивительно то, что изначально заявленное в законопроекте положение в качестве основания использования ВКС «...наличие значительной удаленности места нахождения лица, чье участие в следственном действии признано необходимым...», впоследствии законодателем было заменено на достаточно пространную формулировку «...в случае необходимости...»².

Иными словами, у следователя (дознателя), планирующего производство выше указанных следственных действий с использованием систем ВКС, в части оснований ее применения ограничений нет, если не принимать во внимание два достаточно важных условия, содержащихся в части первой статьи 189.1 УПК РФ – это «...наличие технической возможности...» и «...принадлежность используемых программно-аппаратных средств государственным органам предварительного расследования...».

---

¹ См.: Уголовное дело № 1-113/17, возбужденное по ч. 4 ст. 160 УК РФ. // Архив районного суда Центрального района г. Хабаровска. – URL : <https://e.ugpr.ru/649581> (дата обращения 02.10.22).

² См.: Проект федерального закона № 764131 от 08.04.2015 г. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; проект федерального закона № 434998-7 от 05.04.2018 О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – URL : [file:///C:/Users/User/Downloads/125286562-125286648%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/125286562-125286648%20(3).pdf) (дата обращения 02.10.22).

В этой связи предлагаем более подробно рассмотреть каждое из упомянутых условий использования ВКС:

1Первое условие «...наличие технической возможности...» предполагает применение следователем только сертифицированного на территории РФ, телекоммуникационного оборудования и соответствующих цифровых технологий, позволяющих осуществить ВКС с аналогичным оборудованием и технологическим решением, имеющим место в исполнительном органе государственной власти, каковым законодатель рассматривает органы дознания и предварительного следствия. При этом, как следует из содержания ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ используемое оборудование и технологии ВКС должны обеспечивать сохранность информации, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну, а также данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

2Вторым условием применение ВКС, как уже ранее нами замечено, является «...принадлежность используемых программно-аппаратных средств государственным органам предварительного расследования...», которое на наш взгляд выступает не только условием, но и устанавливает достаточно жесткие рамки ее использования. В частности, если следовать логике законодателя, то проводить допрос того же свидетеля или потерпевшего с использованием нелицензированного оборудования, даже в случаях, не требующих отлагательства, когда тот или иной участник уголовного процесса, например, находится за границей РФ, в больнице на излечении или в местах крайнего Севера (существенно отдаленных от мест расположения органов дознания и предварительного следствия), запрещается. На наш взгляд, присутствие такого рода ограничений в Законе не только нарушают всякую логику применения такого рода цифровых технологий, но и лишают смысла применение ВКС в судопроизводстве вообще.

Отдельно хотелось бы прокомментировать положение ч. 2 анализируемой нами статьи УПК, где закреплено участие допросе или очной ставке так называемого «второго» следователя, дознавателя или должностного лица органа дознания, расположенного по месту нахождения лица, чье участие в данном следственном действии признано обязательным, лишь только для того чтобы получить от последнего, письменное от него подтверждение о разъяснении ему его прав и обязанностей и удостоверении факта оглашения содержания протокола следственного действия.

Думается, что эта задача могла бы быть решена несколько иным способом, например, посредством участия соответствующего специалиста, обеспечивающего техническое сопровождение производства следственного действия или представителя органа дознания (места производства видеоконференц-связи), в обязанности которого, должно было бы входить обеспечение присутствия допрашиваемого. Либо путем использования существующих технических возможностей самого используемого оборудования ВКС. В частности, в используемых современных системах ВКС существует облачное приложение так называемое «белая доска», посредством

которого каждому участнику видео-конференц-связи, организатором конференции может быть предоставлена возможность в отдельном диалоговом окне вводить как текст, так и графическое изображение (например, подпись), которые становятся визуально осязаемы для других участников следственного действия¹. Данная проблема могла быть решена путем приглашения понятых для участия в данном следственном действии, которые бы и удостоверили результаты допроса или очной ставки. Тем более такой механизм удостоверения факта закреплен в ст. 167 УУПК РФ.

И наконец, проблему удостоверения процессуальных документов, полученных путем производства следственных действий с использованием ВКС, можно было бы обеспечить путем применения электронной подписи. Для этого законодателю необходимо было бы закрепить в содержание ст. 189.1 УПК возможность применения данной цифровой технологии.

Не следует забывать, что упрощение данной процедуры способствует оптимизации и повышению эффективности деятельности следователя, непосредственно расследующего преступление, путем высвобождения его от выполнения излишней работы и предоставления возможности более тщательно подготовиться к производству допроса или очной ставки.

Комментируя такое положение Закона, как «... обязательное ведение видеозаписи хода и результатов следственного действия...», хотелось бы согласиться с мнением законодателя, поскольку использование дополнительных способов фиксации доказательственной информации придает ей еще больше объективности, полноты и достоверности.

В то же время требования законодателя применения обязательного ведения видеозаписи в ходе производства следственных действий с использованием систем ВКС, входит в противоречие с уже существующем в Законе положением, содержащимся в ч. 5 ст. 191 УПК РФ, в частности с правом несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, а также их законных представителей самостоятельно принимать решение о ее применении в ходе производства следственных действий с их участием.

В заключении вышеизложенного хотелось бы сделать свои выводы и высказать предложения:

Предложенная законодателем правовая конструкция норм, изложенных в ст. 189.1 УПК РФ, на наш взгляд, является не совсем удачной, поскольку формулировка основных ее положений, например, тех же оснований, из-за отсутствия ясности и точности формулировок скорее всего будут вызывать трудности в правоприменительной практике.

Думается, что единственно правильным решением со стороны законодателя в вопросе использования ВКС на досудебных стадиях процесса, была бы разработка и включение в уголовно-процессуальный закон

---

¹ См.: Волеводз А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видео-конференц-связи / А.Г. Волеводз // Военно-исторический вест. Приволжского региона. Сб. научн. труд. Вып. 1. ВП Пур ВО, Приволжский окружной военный суд и Самарская гуманитарная академия. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2003. – С. 70–96.

унифицированных норм, положений, которые раскрывали бы общие принципы, порядок и условия применения ВКС при производстве не только допросов, очных ставок, предъявления для опознания, но и других процессуальных действий.

РОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В ПРОЦЕССЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Губко Ирина Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции осуществляется в условиях строгого правового регулирования последовательности совершения процессуальных действий и их соответствия выполняемой участниками процессуальной функции. Соблюдение требований состоятельности в судебном разбирательстве, достижение назначения уголовного судопроизводства и постановления правосудного судебного решения обеспечивается посредством надлежащей реализации полномочий председательствующего в судебном заседании. При этом, современное уголовно-процессуальное законодательство в достаточной мере не определяет процессуальное положение председательствующего, а правовые нормы, определяющие его полномочия не подверглись должной систематизации и конкретизации. Автором исследуется система полномочий председательствующего, вносятся предложения по совершенствованию правовых норм, определяющих его роль в процессе рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, правосудие, председательствующий, законность.

В системе российского уголовного судопроизводства стадии судебного разбирательства придается особое значение, обусловленное его содержанием и характером разрешаемых задач. В исследуемой стадии не только подводятся итог всей предшествовавшей ей процессуальной деятельности, но и дается правовая оценка ранее совершенным действиям и принятым решениям, принимается окончательное решение о наличии или отсутствии преступления и виновности подсудимого в его совершении. Судебное разбирательство характеризуется строго регламентированной уголовно-процессуальным законом процедурой, совершением процессуальных действий сторонами и иными участниками процесса в определенной последовательности и с учетом выполняемой процессуальной функции. Соблюдение

требований, предъявляемых к процедуре принятия судебного решения, являются и условием его законности. В этой связи, содержание организационно-процессуальных полномочий председательствующего и их надлежащая реализация в судебном разбирательстве по уголовным делам являются основным гарантом обеспечения эффективности правосудия и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Отметим, что И.Я. Фойницкий указывал на особое предназначение и круг задач председательствующего и отмечал: «власти председателя принадлежит: наблюдение за внешним порядком и благочинием в заседании, в частности: предупреждение внешнего влияния на присяжных заседателей и недозволенных сношений посторонних лиц, как с ними, так и со свидетелями; направление хода дела в такой постепенности процессуальных действий, которая наиболее, по мнению его, способствует раскрытию истины; устранение всего, что не имеет прямого отношения к делу, в частности оскорбительных, для чьей бы то ни было личности отзывов, нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям»¹.

Впоследствии, Верховный Суд РФ так же указывал, что «выполнение председательствующим по делу всех требований процессуального законодательства, умелое, вдумчивое и тактичное управление ходом судебного процесса обеспечивает не только надлежащее исследование обстоятельств дела и установление истины, но и воспитательное значение судебного процесса»².

Процессуальная деятельность председательствующего обладает собственным содержанием, которое в настоящее время недооценено и не подверглось глубокому, комплексному исследованию. Однако уголовно-процессуальное законодательство не выделяет председательствующего в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства, поскольку субъектом доказывания, участником уголовного судопроизводства в состязательном процессе выступает суд. С учетом изложенного, председательствующему отведена обеспечительная, а иногда и вспомогательная функция в процессе, а его положение рассматривается в качестве производного и обусловленного полномочиями суда.

Так, современный Уголовно-процессуальный закон определяет процессуальное положение председательствующего в ст. 243 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³. Отдельные полномочия председательствующего закреплены и в других статьях уголовно-процессуального закона, таких как ст. 260, 271, 275, 291, 293 и др.

---

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х т. – СПб. : Изд-во «Альфа», 1996. – Т. 2. – С. 436.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 г. № 35 (ред. от 06.02.2007) «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961–1993. – М. : «Юридическая литература», 1994.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

При этом, пункт 26 ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» определяет председательствующего исключительно как судью, который «руководит судебным заседанием при коллегиальном рассмотрении уголовного дела, а также судья, рассматривающий уголовное дело единолично», что не отражает всю полноту содержания его процессуальной деятельности.

Исходя из содержания указанных и некоторых других норм, полномочия председательствующего в судебном разбирательстве составляют:

- 1) организационно-процессуальные полномочия;
- 2) полномочия по осуществлению правосудия;
- 3) полномочия, направленные на обеспечение порядка в судебном заседании;
- 4) процессуальные полномочия по участию в доказывании.

Полагаем, что указанная систематизация полномочий председательствующего и ее формализация в нормах УПК РФ позволит обособить процессуальную фигуру председательствующего, позволит нивелировать некоторое его отождествление с судом, как участником уголовного судопроизводства.

Характеристика полномочий председательствующего в суде первой инстанции сопровождается упоминанием его организационно – процессуальных полномочий, полномочий по осуществлению правосудия, и направленных на обеспечение порядка в судебном заседании, тогда как значительную часть его процессуальных полномочий реализуется посредством участия в процессе доказывания по уголовному делу. При этом присутствует некоторая рассогласованность: субъектом доказывания выступает суд, а координацию и управление процессом доказывания осуществляет председательствующий. В частности, именно ему согласно положениям ст. 275 УПК РФ принадлежит право отклонять наводящие и не имеющие отношения к уголовному делу вопросы, выяснять у сторон в порядке, установленном ст. 291 УПК РФ желают ли они по завершении представления доказательств дополнить судебное следствие и др.

В указанном выше п. 26 ст. 5 УПК РФ также упоминается процессуальное руководство судебным заседанием в составе коллегии, однако должной конкретизации эта форма его процессуальной деятельности не получила¹. Вместе с тем, в науке уже высказаны предложения о разграничении полномочий председательствующего и других судей, входящих в коллегию. Например, дополнения требуют положения ч. 3 ст. 275 УПК РФ, согласно которой: «Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами». В этом случае закон резюмирует, что их задаст председательствующий, но этим правом обладают и другие судьи в коллегии. При этом, как

---

¹ См: Фадеева Е.И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2014. – 244 с. – URL : <https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/160723>

справедливо указывает Д.А. Лыков, «при коллегиальном рассмотрении уголовного дела подлежит расширительному толкованию норма ч. 3 ст. 243 УПК РФ: в протокол судебного заседания в обязательном порядке должны заноситься возражения любого участника судебного разбирательства против действий не только председательствующего, но и любого другого из судей, входящих в коллегию»¹.

С учетом изложенного, необходимо конкретизировать положения пункта 26 ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» и изложить его в следующей редакции: «председательствующий - судья, который руководит судебным заседанием при коллегиальном рассмотрении уголовного дела, а также судья, рассматривающий уголовное дело единолично, осуществляя при этом организационно - процессуальные полномочия, а также полномочия по осуществлению правосудия, направленные на обеспечение порядка в судебном заседании и участие в процессе доказывания по уголовному делу». Изложенные и некоторые другие вопросы, возникающие в деятельности председательствующего в судебном заседании, требуют уточнения и доработки.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Исханова Седа Арбиевна
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Автором статьи указывается на значительные изменения преступности ввиду использования при совершении преступлений цифровых технологий. Рассматриваются новые возможности применения информационно-аналитического обеспечения в деятельности правоохранительных органов, с целью оптимизации процесса расследования уголовных дел и усиления гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу, соблюдения прав человека, нравственных начал уголовного процесса и его воспитательного значения. В рамках настоящей статьи предлагается сформировать единую базу документооборота для всех правоохранительных и судебных органов.

---

¹ Лыков Д.А. Роль председательствующего в управлении ходом судебного заседания при коллегиальном рассмотрении уголовного дела / Д.А. Лыков // Вестник Волгоградской академии МВД. – 2022. – № 2(61). – С. 146–147.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, расследование преступлений, уголовное дело, цифровой носитель информации, правоохранительные органы.

XXI век ознаменован высшей степенью развития человеческой мысли. Накопленные навыки и знания подарили нам информационные технологии, которые вошли во все сферы нашей жизни. Современное общество трудно представить без гаджетов, социальных сетей и мобильных приложений, так, например: оплатить штраф, записаться на прием в органы прокуратуры Российской Федерации, написать заявление о готовящемся или совершенном преступлении, подать жалобу на действия или бездействие сотрудника правоохранительных органов, а также совершить иные юридические, экономические и социальные действия, реализовать свои права и исполнить обязанности гражданина России можно в электронной форме, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», посредством официальных сайтов территориальных органов МВД России, Прокуратуры России, Следственного комитета России, через информационный ресурс «Личные кабинеты налогоплательщика» или с помощью федеральной государственной информационной системы «Единого портала государственных и муниципальных услуг».

Так, согласно, официальным сведениям, предоставленным Правительством Российской Федерации, по состоянию на апрель 2013 года ежемесячная аудитория портала составляет более 3,3 млн посетителей. Количество пользователей, имеющих активированную регистрацию на портале, – более 3,7 млн человек. В месяц через портал в электронном виде оказывается более 1,1 млн государственных услуг¹. Популярность предоставления государственных и муниципальных услуг, виртуальное оформление гражданско-правовых сделок, а также упрощенный доступ к правосудию приблизило общество и государство к реализации идеи создания удостоверения личности в виде специального QR-кода. Данная идея была одобрена Президентом России, а технология безопасности согласована с ФСБ России². В 2017 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, согласно которой, приоритетным сценарием развития информационного общества в России является формирование национальных технологических платформ онлайн-образования, онлайн-медицины, единая инфраструктура электронного правительства, Национальная электронная библиотека, предоставление финансовых, государственных и муниципальных услуг онлайн³.

---

¹ Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL : http://government.ru/gos_services (дата обращения 16.02.2023).

² РБК: [сайт] / учредитель АО «Телеканал РБК». – М., 1993. Обновляется в течение суток. – URL : <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2023/63ecff9f9a79479940275471> (дата обращения 16.02.2023).

³ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 20 (Ч. III). Ст. 2901.

Соответственно, развитие информационно-телекоммуникационных технологий в России способствует, с одной стороны, формированию национальных технологических платформ и увеличению скорости формирования юридических, экономических и социальных отношений в обществе, а также демонстрирует нам высокую техническую готовность государства сохранить персональные данные своих граждан в безопасности, а с другой стороны, порождает новые виды преступлений в сфере компьютерной информации. Так, например, в условиях накопления большого количества информации (за 2022 год в адрес Управления МВД России по городу Краснодару поступило более 4000 обращений)¹ органам предварительного следствия, сложно произвести качественно весь объем следственных и иных процессуальных действий, предусмотренный действующим уголовно-процессуальным законодательством, в установленный законом срок. Именно поэтому, становится актуальным вопрос, о необходимости формирования нового подхода к правоприменительной деятельности, а также оптимизации и цифровизации предварительного расследования. Так, по мнению П.С. Пастухова и М. Лосавио: «Под воздействием постоянной трансформации необходимо находить баланс между законным и обоснованным принуждением личности и обеспечением необходимых гарантий участникам уголовного процесса прав на этапе предварительного расследования»².

Перейдем к непосредственному рассмотрению темы данной статьи. Для начала напомним определение стадии предварительного расследования, имеющееся в науке уголовного процесса.

В юридической литературе представлено множество вариантов определения «предварительного следствия», например, О.А. Зайцев и П.С. Пастухов считают, что «под предварительным расследованием традиционно понимается стадия, где уполномоченные государственные органы и должностные лица в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществляют деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливается виновность (или невиновность) лица (лиц) в совершении преступления, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу»³.

---

¹ Министерство внутренних дел России: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL : <https://23.xn--b1aew.xn--p1ai/citizens/Obzori> (дата обращения 16.02.2023).

² Пастухов, П.С. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства / П.С. Пастухов, М. Лосавио // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 36. – С. 231–236. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29409020> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

³ Зайцев О.А. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 752–777. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

По мнению, В.В. Алексеева и Ю.В. Белянинова, «Традиционно под предварительным расследованием понимается регламентируемая законом деятельность следователя и дознавателя, связанная суголовным преследованием виновных в совершении преступления лиц, осуществляемая путем проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление имеющих значение для дела обстоятельств, в целях быстрого и полного расследования преступления, изобличения виновных, выявления причин и условий, способствующих его совершению»¹.

В отечественном уголовно-процессуальном праве представлены и иные определения понятия «предварительное расследование», под которым понимается: стадия «уголовного процесса, в которой органы следствия и дознания, опираясь на помощь широких масс общественности, в установленном законом порядке осуществляют деятельность по предупреждению преступлений, проводят работу по раскрытию совершенных преступлений, привлечению к ответственности виновных, а равно по установлению отсутствия события или состава преступления или основания для направления дела в суд»²; «стадия, в течение которой дознавателем и следователем осуществляется уголовно-процессуальные действия, присущие досудебному производству»³; самостоятельная стадия уголовного судопроизводства и самостоятельный институт уголовно-процессуального права, т.е. как совокупность правовых норм, которые определяют порядок уголовно-процессуальной деятельности и регулируют уголовно-процессуальные отношения в данной стадии между ее участниками»⁴, основная форма досудебной подготовки материалов дела⁵.

Однако, несмотря на большое количество подходов к пониманию такой стадии уголовного процесса, как предварительное расследование, главным остается именно то, что на стадии предварительного расследования происходит доказывание, формируется доказательственная база, где ведущую роль играет письменный документооборот, то есть следователь (дознаватель) формирует своеобразный пакет документов (процессуальных

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Л.Б. Алексеева, Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина [и др.]. – М. : Изд-во Юристъ, 2004.

² Гарницкий А.А. Общие положения организации и осуществления предварительного расследования в советском уголовном процессе: (по материалам УССР) : автореферат дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / Гарницкий Анатолий Акимович; Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. – К., 1967. – 22 с. – С. 20–22.

³ Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Б.Я. Гаврилов, А.А. Ильюхов, А.М. Новиков, Н.В. Османова ; Академия Следственного комитета Российской Федерации. – М. : ЮНИТИ, 2015. – 222 с.

⁴ Курс уголовного судопроизводства : в 3 т. : учебник / В.А. Михайлов, С.В. Бородин, Р.С. Белкин [и др.]; Под ред. В.А. Михайлова. – М. : МПСИ, 2006. – 575 с.

⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Л.Б. Алексеева, Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина [и др.]. – М. : Изд-во Юристъ, 2004.

документов: постановлений, протоколов, заявлений, ходатайств и т.д.) отражающих виновность или невиновность обвиняемого. Вся совокупность процессуальных документов, находящихся в уголовном деле, должна раскрывать механизм преступления. Данная модель доказывания была привнесена в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ из советской правовой мысли.

В настоящее время, сотрудниками правоохранительных органов, на стадии предварительного расследования, используется единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Основными задачами единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России являются: формирование структуры управления, анализ и прогнозирование оперативной обстановки, выбор способов реагирования на правонарушения, распределение сил и средств для решения оперативных задач, оценка эффективности деятельности подразделений и планирование работы производственно-экономических служб. В рамках единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России работает сервис электронного документооборота (СЭД) – это автоматизированная система документооборота и делопроизводства, включающая прикладное программное и системное обеспечение. Осуществляет передачу внутренних и внешних электронных документов в государственных организациях (например: заявления о преступлениях, жалобы, обращения граждан, представления прокурора и т.д.).

Еще одним сервисом единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России является специальное программное обеспечение федеральной информационной системы Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М), которое стало современным и эффективным средством автоматизации деятельности подразделений ГИБДД на всех уровнях – от территориального до федерального, а учитывая возможности автоматизированного взаимодействия системы с Интерполом – и международного.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации создан и запущен в опытную эксплуатацию единый портал прокуратуры РФ (ЕПП). На ЕПП размещена интернет-приемная органов прокуратуры Российской Федерации, позволяющая гражданам и юридическим лицам подавать обращения в органы прокуратуры Российской Федерации в электронном виде.

В надзорной деятельности активно используются федеральные информационные ресурсы иных органов государственной власти: Портал государственных услуг, Федеральная государственная информационная система Единый реестр проверок (ФГИС ЕРП), Федеральная государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ).

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

Таким образом, правоохранительные органы постепенно проводят ведомственные мероприятия по уменьшению бумажного документооборота и цифровизации предварительного следствия, оперативной работы и прокурорского надзора. Следующим шагом, в области цифровизации правоохранительной деятельности, является введение государственной автоматизированной системы правовой статистики, предназначенной для единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора, а также по формированию и представлению отчетности органов прокуратуры Российской Федерации.

Все вышеперечисленные ведомственные и межведомственные системы электронного документооборота направлены на оптимизацию расследования преступлений и совершенствование уголовного судопроизводства.

Вопрос о необходимости использования информационных технологий, и даже создания базы электронных уголовных дел, обсуждается многими авторами, среди которых: А.Ф. Абдулвалиев¹, Л.А. Воскобитова², Т.Г. Бородинова³ и др. В их исследованиях рассматривается не только активный процесс информатизации судебной стадии уголовного судопроизводства, но и необходимость формирования материалов уголовного дела в электронном формате и на досудебной стадии⁴.

Так, по мнению Т.Г. Бородиновой: «Цифровизация стала одной из ключевых тенденций современного развития российского судопроизводства, обусловленной ситуацией пандемии и позволившей в условиях пандемии успешно решать проблемы доступности правосудия. Интенсивный процесс цифровизации судопроизводства в последнее время требует анализа как со стороны практиков, так и со стороны ученых-процессуалистов. Вопросы, связанные с качественно-технической характеристикой

---

¹ Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 15–18. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

² Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 5. – С. 69–72. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

³ Видео-конференц-связь как телекоммуникационная технология обеспечения судебного разбирательства : Сборник материалов III Международной Российско-Казахской научно-практической конференции (Краснодар, 31 октября 2019 г.) / Редкол.: Г.Ф. Гараева, М.Е. Бегларян, С.А. Сарина. – Краснодар : ИД «Юг», 2019. – 90 с. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

⁴ Пальчикова М.В. Новая форма процессуальных документов как следствие информатизации суда / М.В. Пальчикова // Информационное право. – 2009. – № 3. – С. 42–45. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

коммуникативно-цифровых технологий, фактически трансформируемых в новые процессуальные средства, нуждаются в повышенном внимании, поскольку их необходимо оценить с позиции гарантированности защиты прав лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства».

Л.В. Воскобитова писала: «С 2011 г. в уголовном судопроизводстве (ст. 240, 399 УПК РФ) получили распространение и признание технологии видеоконференцсвязи для получения показаний при проведении судебного разбирательства в суде первой и вышестоящих инстанций, что весьма важно для отдаленных территорий нашей страны в случаях, когда личное присутствие участника процесса в судебном заседании по определенным причинам затруднительно или невозможно»¹.

Нельзя не согласиться и с А.Ф. Абдулвалиевым, который предлагает формировать электронный носитель, который предназначен для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела. Последний полностью заменял бы собой бумажный вариант уголовного дела, который можно было бы использовать совместно с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела. По мнению автора, электронная форма уголовного дела может ограничиться всего лишь одним цифровым, но прочным носителем, в котором будут содержаться все материалы по делу либо по нескольким делам².

С учетом вышеизложенного, а также опираясь на реалии XXI века необходимо произвести модернизацию действующего уголовного процесса за счет введения цифровых технологий, так, например, предоставление государственных услуг различными государственными ведомствами на едином портале на протяжении пятнадцати лет успешно демонстрирует не только готовность государства защитить персональные данные граждан, но и эффективность межведомственного электронного взаимодействия.

В рамках стадии предварительного следствия предлагается сформировать единую базу документооборота для всех правоохранительных и судебных органов, а также усовершенствовать уголовный процесс, посредством снижения формализма и перехода от бумажного носителя к электронному. Таким образом, цифровые технологии позволят оптимизировать процесс и усилят гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу, соблюдения прав человека, нравственных начал уголовного процесса и его воспитательного значения.

---

¹ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 5. – С. 91–104. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

² Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 15–18. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 16.02.2023). Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ДОКАЗЫВАЮЩИЕ ОТСУТСТВИЕ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИХ УСТАНОВЛЕНИЯ

*Колесникова Лаура Грачиловна
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар*

Аннотация. В статье рассмотрено понятие «отсутствие события преступления», а также выявлены проблемы установления обстоятельств, доказывающих отсутствие события преступления. Кроме того, в статье рассмотрены отличия таких оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, как отсутствие состава преступления и отсутствие события преступления.

Ключевые слова: отсутствие события преступления, доказывание отсутствия события преступления.

Прежде всего, важно отметить, что «отсутствие события преступления» как основание отказа в возбуждении уголовного дела и уголовного преследования регламентировано п. 1 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ)¹ и является основанием, влекущим право на реабилитацию, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ при условии, что есть лицо подозреваемое или обвиняемое в преступлении.

Однако, анализируя п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, видим, что при оправдании подсудимого, одним из оснований законодатель указывает категорию «не установлено событие преступления». Дискуссия касательно этого вопроса не прекращается по сей день. Так, одни ученые отдают предпочтение формулировке «не установлено событие преступления», полагая, что она охватывает все возможные ситуации, связанные с этим основанием².

Другие авторы высказывают противоположную точку зрения, полагая, что формулировка «неустановление события преступления» допускает возможность оправдания при недоказанности отсутствия события преступления.

Третьи утверждают, что под неустановлением события преступления понимается недоказанность времени, места и т.д. совершения преступления, которые подлежат доказыванию при совершении преступления.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

² Суханова, Н.Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Суханова Наталья Николаевна. – Иркутск, 2008. – С. 18.

Т.А. Левинова объясняет несоответствие формулировок «отсутствие события преступления» и «неустановление события преступления» тем, что п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ предусматривает случаи, когда дело не только подлежит прекращению, но и не может быть возбуждено. Она полагает, что «судить о том, исчерпаны ли все возможности для собирания дополнительных доказательств, до возбуждения уголовного дела невозможно. Соответственно, отказать в возбуждении уголовного дела можно лишь в случае достоверно установленного отсутствия события преступления. Если это не установлено, необходимо возбуждать уголовное дело и проводить предварительное расследование, по результатам которого на основе собранных доказательств принимать процессуальное решение»¹.

Кроме того, существуют проблемы определения оснований п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления).

Конституционный Суд РФ своим постановлением, казалось бы, поставил точку в вопросе толкования п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, однозначно высказав свою позицию: «отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления»². Другими словами, только разрешив вопрос непосредственно факта преступления (события преступления) необходимо разрешать вопрос права (состава преступления).

Однако, на практике сотрудники правоохранительных органов не всегда усматривают разницу между понятиями «отсутствие события преступления» и «отсутствие состава преступления», считая не принципиально важным по какому из этих оснований прекращать уголовное дело.

Как отмечает Т.А. Левинова «правоприменителю необходим четкий алгоритм принятия процессуального решения не только в ситуации, когда достоверно установлено отсутствие события преступления, но и тогда, когда несмотря на все усилия, с достоверность не представилось возможным устранить ни его наличие, ни его отсутствие, а также требуется четкое разграничение рассматриваемых оснований на законодательном уровне»³.

По моему мнению, для разрешения этих противоречий важно разобраться, в сущности, понятий «отсутствие события преступления» и «отсутствие состава преступления». Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к числу обстоятельств события преступления законодатель относит время,

¹ Левинова Т.А. Отсутствие события преступления: уголовно-процессуальный аспект / Т.А. Левинова // Научный портал МВД России. – 2009. – № 1. – С. 28.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.12.2022). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/#dst100038

³ Левинова Т.А. Событие преступления vs состав преступления: парадокс разрешен? / Т.А. Левинова // Ius Publicum et Privatum. – 2022. – № 3(18). – С. 133.

место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, однако в п. 2 ч. 5 ст. 318 УПК регламентирует, что заявление потерпевшего или его законного представителя в суд по уголовным делам частного обвинения должно содержать, в том числе, описание события преступления, место, время, а также обстоятельства его совершения. Такая непоследовательность регламентации норм УПК порождает в науке различные теоретические толкования понятия «события преступления» и требует уточнения.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ ИЛИ ОБВИНЯЕМЫМИ

Кольчури́н Андрей Геннадьевич

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар*

Аннотация. Статья посвящена анализу мер уголовно-процессуального принуждения. Рассмотрена возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, иные участники уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ при производстве предварительного расследования или рассмотрении уголовного дела, органы предварительного расследования и суд вправе применить меры уголовно-процессуального принуждения не только к подозреваемыми или обвиняемыми, но и к иным участникам уголовного судопроизводства. Таковыми являются, по сути, все лица, которые вовлечены в сферу судопроизводства по конкретному уголовному делу. Так, в соответствии с гл. 8 УПК РФ, к иным участникам уголовного судопроизводства относятся: потерпевшие, свидетели, гражданские истцы и ответчики, эксперты, специалисты, переводчики, и понятые. Как видим, в приведенном перечне не обозначены некоторые участники уголовного судопроизводства, такие как частный обвинитель, законные представители, поручители, залогодатели, а при производстве в отношении несовершеннолетних – педагоги и психологи. На наш взгляд, указанных участников также необходимо включить в перечень лиц, в отношении которых возможно применение мер уголовно-процессуального принуждения. Тем более что, косвенно, возможность применения к ним некоторых мер принуждения упоминается в уголовно-процессуальном законе. Так, в

соответствии с п. 3 ст. 105 и п. 4. ст. 103 УПК РФ, в отношении лица, осуществляющего присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым), может быть применена мера принуждения, в виде денежного взыскания. Данная мера, может быть применена, и в отношении поручителя такого несовершеннолетнего. Частный обвинитель, по сути, является потерпевшим по уголовному делу, а педагоги и психологи относятся к специалистам и, следовательно, в отношении указанных лиц также могут быть применены меры принуждения.

К иным участникам уголовного процесса, в соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ, могут быть применены такие меры принуждения как: обязательство о явке, привод и денежное взыскание. Как видим, перечень мер принуждения, применяемых в отношении подозреваемых и обвиняемых, несколько шире и, в соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ, кроме уже обозначенных, включает в себя такие как: временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество. Кроме того, учитывая, что в суде рассматривается уголовное дело в отношении подсудимого, а не обвиняемого, а тем более подозреваемого, в содержание ч. 1 ст. 111 УПК РФ кроме указанных лиц, целесообразно включить и подсудимого.

Обозначенные меры принуждения, которые, в соответствии с УПК РФ могут быть применены в отношении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, на наш взгляд, возможно распространить и на иных участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрим особенности и возможность применения таких мер принуждения как временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество в отношении иных участников уголовного процесса более подробно.

Арест на имущество, как следует из ч. 1 ст. 115 УПК РФ возможно наложить на лиц, несущих по закону материальную ответственность за подозреваемого или обвиняемого, то есть на их законных представителей.

Наложение ареста на имущество иных лиц, кроме подозреваемого и обвиняемого, в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, возможно в случаях, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Такими иными лицами могут быть как законные представители, так и свидетели, гражданские ответчики и другие лица.

Меру принуждения в виде временного отстранения от должности возможно, применить, на наш взгляд в отношении иных участников уголовного судопроизводства в том случае, если они, используя свою должность, могут повлиять на процедуру расследования или рассмотрения уголовного дела.

Особенности применения мер принуждения в отношении иных участников уголовного процесса, которые прямо обозначены в ч. 2 ст. 111 УПК РФ заключаются в следующем.

Говоря об обязательстве о явке, следует отметить, что «аспект принуждения в данном случае выражен весьма слабо, скорее можно говорить лишь об угрозе его применения (разъяснение последствий нарушения обязательства о явке). Поэтому закон не предусматривает каких-либо специальных оснований или условий применения обязательства о явке: она может применяться во всех случаях, когда ее сочтет необходимой лицо, осуществляющее производство по делу»¹. Полагаем, что следует согласиться с мнением Н.В. Ткачевой, которая обращает внимание на то, что «обязательство о явке наименее принудительная мера по сравнению со всеми остальными. Это позволяет применять ее как до возбуждения уголовного дела, так и после приостановления производства по уголовному делу»².

Участник уголовного судопроизводства, дает соответствующее обязательство – являться по вызову следователя, дознавателя или в суд а, в случае невыполнения данного обязательства, может быть подвергнут приводу, или на него может быть наложено денежное взыскание.

Обязательство о явке предполагает, что лицо, в отношении которого избрана данная мера пресечения, обязано сообщать о перемене места жительства органам предварительного расследования или в суд. Таким образом, данная мера принуждения существенно отличается от меры пресечения в виде подписки о невыезде, при которой подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не могут менять место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда.

Привод, согласно ч. 2 ст. 113 УПК РФ состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд. Основанием для привода могут быть достоверные данные о том, что:

- участник уголовного процесса знал, что его вызывают (корешок повестки с его подписью, уведомление почтового учреждения об отказе получить повестку, СМС-извещение с фиксацией факта доставки, и пр.);
- участник процесса не явился в назначенный срок;
- отсутствовали уважительные причины неявки (болезнь, наличие малолетних детей или нуждающихся в уходе членов семьи, стихийное бедствие и т.п.).

В этой связи заслуживает внимания мнение О.П. Копыловой, которая пишет, что «решение о приводе принимается только тогда, когда установлены причины неявки лица по вызову»³.

¹ См.: Курс уголовного процесса / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017. – С. 562.

² Ткачева Н.В. Сущность иных мер процессуального принуждения / Н.В. Ткачева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2017. – № 9. – С. 55.

³ Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВО ТГТУ, 2021. – С. 58.

При этом в УПК РФ (ч. 6 ст. 113) обозначен перечень лиц, которые не могут быть подвергнуты приводу. К таковым относятся: несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет; беременные и больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания.

Процедура исполнения данной меры принуждения регламентирована ведомственными нормативными актами, которые, в том числе, допускают применение физической силы, специальных средств и даже огнестрельного оружия при осуществлении привода¹.

Денежное взыскание, регламентировано ст. 117 УПК РФ. Оно предусмотрено в случае неисполнения участниками процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании. Денежное взыскание, накладывается в размере до двух тысяч пятисот рублей. При этом, каких-либо критериев определения конкретной суммы взыскания, законодательством не установлено. Учитывая, что сумма денежного взыскания незначительна, а ее дифференциация может породить, в последующем, обжалование соответствующего судебного решения и излишнее усложнение судебного процесса, полагаем, что следует внести поправку в ст. 117 УПК РФ определив не расплывчатую, а конкретную сумму взыскания в размере две тысячи пятисот рублей.

Процедура наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования достаточно громоздка. В соответствии со ст. 118 УПК РФ, дознаватель или следователь составляет протокол об уклонения от явки того либо иного участника и направляет его в районный суд. Протокол подлежит рассмотрению судьей в течение пяти суток с момента его поступления в суд. В судебное заседание вызывается лицо, подвергаемое наложению денежного взыскания, и должностное лицо, составившее протокол. То есть при реализации данной меры принуждения уже достигается ее основная цель - явка к следователю или дознавателю. В этой связи, на стадии предварительного расследования применение данной меры принуждения, на наш взгляд, нецелесообразно.

Об этом свидетельствуют и данные исследования, проведенного С.В Медведевым, согласно которого, опрошенные им следователи и дознаватели на вопрос о том какие меры принуждения они чаще всего применяли в отношении участников уголовного процесса, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, сообщили о том, что меру пресечения в виде денежного взыскания инициировали к применению лишь в 6,7 % случаев².

Таким образом, к иным участникам уголовного судопроизводства могут быть применены такие же меры уголовно-процессуального принуждения, как

---

¹ См: федеральные законы от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» и др.

² Медведев С.В. Уголовно-процессуальное принуждение в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2020. – С. 207. – URL : https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site125/dissertaciya/uridich_nauki/medvedev_sv/Dissertatsiya_Medvedev_S.V._Itog.pdf (дата обращения 10.10.2022).

и к подозреваемым, обвиняемым или подсудимым. Указанные меры обладает действенным механизмом воздействия уполномоченных лиц в целях обеспечения процедуры расследования и рассмотрения уголовного дела.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ УПК РФ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОСНОВАННОСТЬЮ НЕКОТОРЫХ РЕШЕНИЙ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Костенко Роман Валерьевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с дефектами, недостатками в процессуальном регулировании требования обоснованности некоторых решений на досудебном производстве в уголовном процессе. В частности, обращается внимание на проблему обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела достаточными данными, проблемы обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления и обвинительного заключения достаточными доказательствами.

Ключевые слова: обоснованность решений досудебного производства, достаточные данные, достаточные доказательства, постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение.

По мнению П.А. Лупинской, процессуальное решение включает в себя два главных элемента – фактический, который включает рассмотренные и оцененные доказательства и вывод об обстоятельствах, установленных (не установленных) на основе этих доказательств, и правовой – выраженный в уголовно-процессуальном и уголовном законах. Правильное соотношение этих элементов обуславливает законность и обоснованность решения¹.

В дальнейшем указанная позиция получила своё развитие в науке².

С.Г. Леонов пишет, что «требование обоснованности означает соответствие выводов, полученных в результате фактоустановительной

---

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, Инфра-М, 2010. – С. 101.

² Гаприндашвили Р.Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гаприндашвили Резо Тенгизович. – М., 2016. – С. 15.

деятельности, тем доказательственным средствам, которые использовались при установлении фактических обстоятельств»¹.

С точки зрения А.В. Миликовой, обоснованность уголовно-процессуального акта органа предварительного следствия – это требование, которое характеризует его содержание, т.е. само правоприменительное решение как результат мыслительно-логических операций, итог умственной деятельности следователя или руководителя следственного органа, в дальнейшем зафиксированное в надлежащем письменном источнике².

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановления прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть обоснованными.

В то время как анализ других положений действующего уголовно-процессуального законодательства РФ явно демонстрирует, что требование обоснованности отдельных решений на досудебном производстве формулируется по-разному и может быть трактовано как фундаментальный дефект или недостаток уголовно-процессуального регулирования в некоторых случаях. Эта неоднозначность может привести к тому, что некоторые решения, принятые в процессе досудебного расследования, будут считаться недостаточно обоснованными или даже фундаментально недействительными. Кроме того, в связи с отсутствием единого определения обоснованности решений, также возникает риск произвола и неправомерного ограничения прав подозреваемых и обвиняемых в процессе досудебного производства.

Таким образом, существенно важно, чтобы законодательство установило чёткие критерии и стандарты обоснованности решений, особенно на этапе досудебного производства, чтобы обеспечить справедливость и защиту прав подозреваемых и обвиняемых, а также предотвратить неправомерные действия со стороны правоохранительных органов.

Например, ч. 2 ст. 146 УПК РФ устанавливает, что в постановлении о возбуждении уголовного дела указываются:

- 1) дата, время и место его вынесения;
- 2) кем оно вынесено;
- 3) повод и основание для возбуждения уголовного дела;
- 4) пункт, часть, статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело.

Обоснованность данного решения должна быть обеспечена достаточными данными, выступающими в качестве основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Однако, законодатель не предусматривает обязательного предписания раскрывать содержание и конкретный перечень достаточных данных в постановлении о возбуждении уголовного дела.

---

¹ Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Леонов Станислав Геннадьевич. – Краснодар, 2011. – С. 59–60.

² Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Миликова Анна Владимировна. – Волгоград, 2019. – С. 12.

В соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК РФ, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого только при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления.

В то же время в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, согласно ч. 2 ст. 171 УПК РФ, должны быть указаны:

- 1) дата и место его составления;
- 2) кем составлено постановление;
- 3) фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения;
- 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части первой ст. 73 УПК РФ;
- 5) пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- 6) решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу.

В содержании данного решения законодатель не обязывает следователя приводить достаточные доказательства, что в свою очередь означает отступление от требования обоснованности.

Исходя из п. 25 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, под постановлением законодатель понимает решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. В таком случае возникает вопрос, распространяется ли требование обоснованности на обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, а также на уведомление о подозрении в совершении преступления.

Согласно ч. 2 ст. 223.1. УПК РФ, в уведомлении о подозрении в совершении преступления должны быть указаны:

- 1) дата и место его составления;
- 2) фамилия, инициалы лица, его составившего;
- 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения;
- 4) описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части первой статьи 73 УПК РФ;
- 5) пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление.

Очевидно, законодатель не видит необходимости в том, чтобы указанное решение обосновывалось достаточными данными либо достаточными доказательствами.

Если по окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт, то его обоснованность должна обеспечиваться соблюдением требований ст. 225 УПК РФ. В указанной норме законодатель предусматривает

обязанность для дознавателя в содержании обвинительного акта отразить перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания.

Признав, что необходимые следственные действия произведены и объём собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление (ч. 1 ст. 226.7. УПК РФ). В обвинительном постановлении указывается, по аналогии с обвинительным актом, перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания.

Собранные следователем достаточные доказательства выступают основанием для составления обвинительного заключения (ч. 1 ст. 215 УПК РФ). Обоснованность обвинительного заключения обеспечивается следующими законодательными предписаниями. В соответствии с ч. 1 ст. 220 УПК РФ, в обвинительном заключении следователь, наряду с другими данными, обязан указать:

- перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания;
- перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЖИВЫХ ЛИЦ, ПОСТУПИВШИХ С ОСТРЫМИ ОТРАВЛЕНИЯМИ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТОКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Кузнецов Семен Валерьевич
кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Западный филиал
ФГБОУВО «РГУП» (г. Санкт-Петербург);
ведущий научный сотрудник,
ФГБУ «Научно-клинический центр
токсикологии им. академика С.Н. Голикова ФМБА России»

Лодягин Алексей Николаевич
доктор медицинских наук, доцент,
руководитель отдела клинической токсикологии,
ГБУ СПб НИИ скорой помощи им. И.И. Джанелидзе;
главный внештатный специалист-токсиколог,
МЗ РФ СЗФО;
главный внештатный специалист-токсиколог
Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга,
г. Санкт-Петербург

Батоцыренов Баир Васильевич
доктор медицинских наук, доцент,
главный научный сотрудник
отдела клинической токсикологии,
ГБУ СПб НИИ скорой помощи им. И.И. Джанелидзе,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы установления личности неизвестных живых лиц в случаях оказания им токсикологической помощи. Приводятся основные недостатки применяемых в настоящий момент способов отождествления личности. Показаны наиболее перспективные пути решения обозначенной проблемы с помощью криминалистического ДНК-анализа.

Ключевые слова: идентификация, генетическое родство, судебно-генетическая экспертиза, ДНК, судебная медицина, токсикология, отравления.

Ежегодно в многопрофильные медицинские стационары Российской Федерации для оказания экстренной и неотложной помощи поступает по 1000 и более пациентов с неустановленной личностью (на примере ГБУ СПб НИИ СП им. И.И. Джанелидзе). Очень часто при физикальном осмотре таких пациентов обращает на себя внимание объективный статус, свидетельствующий об их возможном криминальном прошлом (например, татуировки, указывающие на положение в уголовной иерархии). При этом сведения о личности значительной части данных пациентов не удается установить не только до их выписки, но и после. Невозможность установления личности указанных пациентов обусловлена:

- отсутствием у них документов;
- угнетением сознания;
- интеллектуально-мнестическими нарушениями;
- нежеланием сообщать о себе по причинам возможного совершения противоправных действий и др.

В настоящее время имеется не реализующаяся на практике возможность идентификации вышеуказанных лиц посредством взаимодействия с Экспертно-криминалистическими центрами МВД субъектов Российской Федерации (далее – ЭКЦ МВД России), на которые согласно действующему законодательству возложена функция ведения криминалистических учетов (в том числе базы данных ДНК)^{1, 2}.

В соответствии с указанными нормативно-правовыми актами в Федеральной базе данных геномной информации (далее – ФБДГИ) в обязательном порядке накапливаются и хранятся сведения о генетических профилях всех

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. – 09.12.2008. – № 251.

² Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». – URL : <https://base.garant.ru/72222630> (дата обращения 03.10.2022).

лиц, осужденных и отбывавших наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Кроме этого, обязательной государственной геномной регистрации также подлежат: неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также неопознанные трупы. Дополнительно генетические методы позволяют производить идентификацию лиц через ФБДГИ не только в режиме прямой идентификации («лицо» – «лицо» или «лицо» – «след»), но и в режиме установления вертикального родства в пределах одного поколения («ребенок» – «родитель» или «родитель» – «ребенок»), что выгодно отличает эффективность метода в сравнении с идентификацией по дактилоскопическим учетам и по картотекам фотоснимков.

Описанный принцип уже применяется для решения задач идентификации неопознанных трупов при взаимодействии судебно-медицинских экспертных учреждений с правоохранительными органами. Однако при этом не охватывается обозначенный выше контингент, так как прямого указания на генетическое типирование неустановленных живых лиц при оказании им экстренной и неотложной помощи нет.

В связи с изложенным, нами предлагается порядок идентификации личности неизвестных пациентов, а также алгоритм взаимодействия многопрофильных медицинских стационаров с правоохранительными органами, который реализуется следующим образом:

1) при поступлении неизвестного пациента в многопрофильный медицинский стационар (например, в токсикологический центр с острым отравлением) медицинским работником во время оказания помощи производится взятие буккального эпителия традиционным неинвазивным способом на стандартный одноразовый стерильный зонд-тампон (с оформлением акта взятия биологического материала от неизвестного лица под соответствующим номером);

2) далее медицинской организацией на основании ведомственного приказа¹ осуществляется передача сведений в территориальные органы МВД, включая данные о забранном образце буккального эпителия неизвестного лица с разъяснением возможности его проверки по ФБДГИ;

3) в случае принятия органами МВД решения о необходимости проверки ДНК неизвестного пациента по ФБДГИ, медицинской организацией осуществляется передача образца буккального эпителия следователю,

---

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.06.2021 № 664н Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402537218> (дата обращения 03.10.2022).

дознавателю или лицу, осуществляющему розыск (данную передачу и само взятие биологического материала можно оформить протоколом следственного действия, тогда в соответствии с действующим законодательством¹ изъятый образец проверяется по ФБДГИ в обязательном порядке);

4) далее указанные должностные лица МВД самостоятельно инициируют проведение судебно-генетической экспертизы и проверку установленного генетического профиля по базе данных ДНК, доступ к которой имеется в каждом ЭКЦ МВД субъекта Российской Федерации.

Таким образом, предлагаемый порядок позволяет повысить эффективность и точность установления личности значительной доли граждан Российской Федерации, пребывающих в многопрофильных медицинских стационарах (в том числе в токсикологических центрах) в качестве неизвестных лиц, которые могут быть как жертвами, так и участниками совершения нераскрытых преступлений.

В конечном итоге применение предлагаемого способа в масштабах страны может значительно увеличить количество идентифицированных лиц, что будет способствовать эффективному судебно-медицинскому сопровождению раскрытия преступлений и обнаружению без вести пропавших лиц.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ЗУБОВ ЧЕЛОВЕКА НА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТАХ С ПОМОЩЬЮ 3D КОПИРОВАНИЯ

Магомедкасумов Герман Тельманович

педагог объединения

«Инженерное 3D моделирование и прототипирование»,

ГБУ ДО ЦДЮТТИТ Пушкинского района,

г. Санкт-Петербург

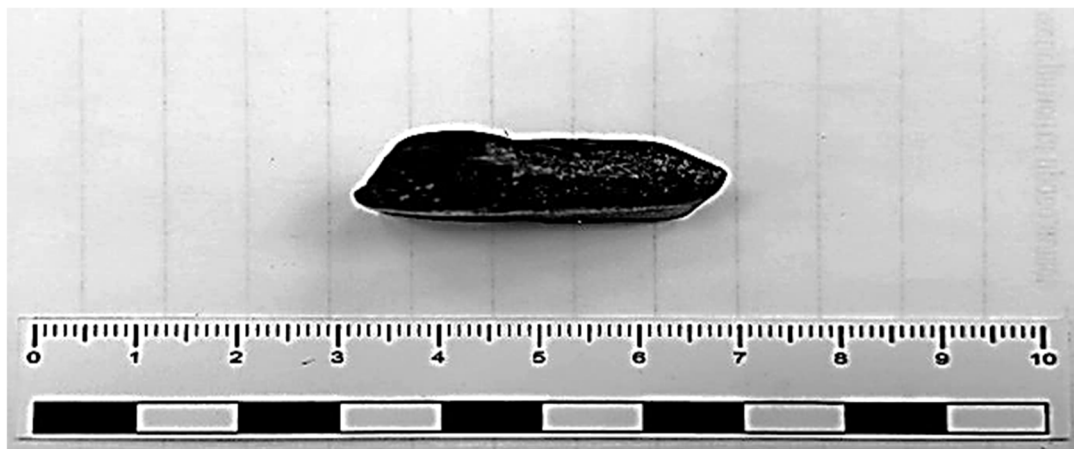
Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме поиска наиболее эффективных средств фиксации следов зубов человека на различных пищевых продуктах. Дается сравнительная оценка применяемым на сегодняшний день способам сохранения данных следов. Наглядно показаны преимущества методики фиксации с помощью технологии 3D сканирования и фотополимерной 3D-печати.

Ключевые слова: идентификация, 3D копирование, трасология, судебная медицина, криминалистика.

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. – 09.12.2008. – № 251.

В значительном количестве случаев преступлений с проникновением в жилище (кражи, ограбления, разбой и т.п.) злоумышленники на месте происшествия оставляют следы своих зубов на пищевых продуктах^{1, 2} (рис. 1).

Рисунок 1 – Обнаруженный на месте происшествия пищевой продукт (кусочек гематогена) со следами зубов, оставленными неизвестным лицом

В судебно-медицинской и криминалистической практике имеются методики, позволяющие проводить идентификацию личности человека по следам его зубов. Основной причиной недостоверности идентификационных исследований при установлении личности по оставленным следам зубов на пищевых продуктах является природа объекта-носителя, которая обуславливает быструю утрату микро- и макроскопических идентификационных признаков³.

На сегодняшний момент для фиксации следов зубов человека на различных объектах-носителях применяется способ изготовления композитных слепков (гипсовых, силиконовых и т.п.)⁴, недостатками которого являются: длительность приготовления и последующей сушки композита, необходимость контактного взаимодействия со следом (что в большинстве случаев определяет дальнейшую непригодность последнего), легкая

¹ Антонов В.В. Некоторые особенности исследования следов зубов, изъятых с места преступления / В.В. Антонов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9(88). – С. 202–203.

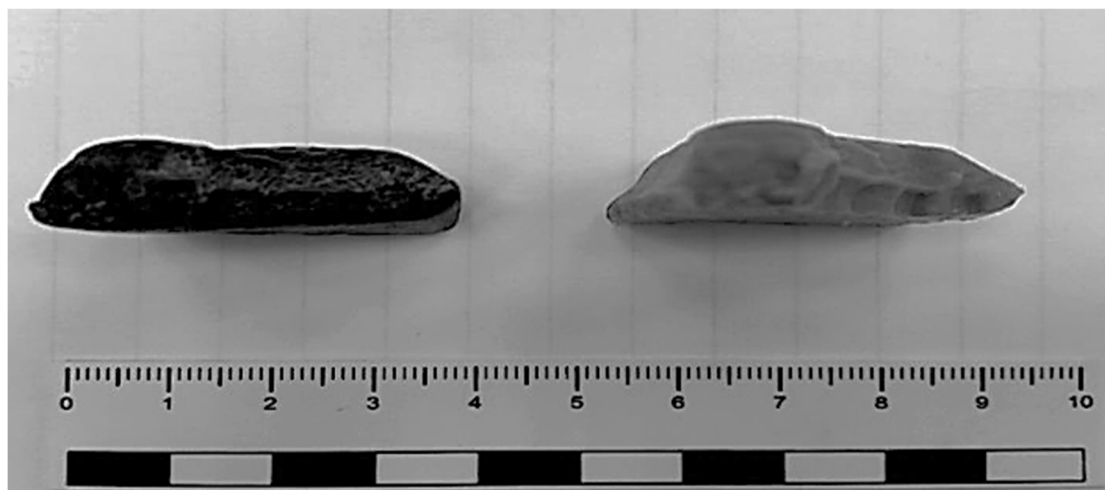
² Миронов И.А. Общая характеристика следов зубов человека / И.А. Миронов, А.В. Пестрикова // Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга. – СПб., 2016. – С. 241–244.

³ Быкадорова Е.В. Роль и значение трасологической экспертизы следов зубов человека в раскрытии и расследовании преступлений / Е.В. Быкадорова, Н.В. Манилкин, Н.В. Болдырев // Материалы международной научно-практической конференции: Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. – СПб., 2021. – С. 83–87.

⁴ Агайдарова А.Г. Тактические особенности обнаружения, изъятия и фиксации доказательственной информации на месте происшествия / А.Г. Агайдарова, Т.В. Климкина, А.Г. Кобаненко // Сборник статей VI Всероссийского научно-исследовательского конкурса: Научные достижения студентов и учащихся. – Пенза, 2021. – С. 64–67.

разрушаемость получаемого слепка, а также низкая точность воспроизведения особенностей макро- и микрорельефа следа^{1, 2}.

В связи с изложенным, технической задачей предлагаемого нами способа является обеспечение точной фиксации макро- и микрорельефа следов зубов человека и их эффективного длительного сохранения с помощью технологии 3D копирования с последующей фотополимерной печатью (рис. 2).

Рисунок 2 – Натуральный объект-носитель со следами зубов человека и его экспериментально изготовленная 3D фотополимерная копия

В рамках экспериментального исследования нами установлено, что технически решение обозначенной проблемы может быть достигнуто следующим образом:

1. Для фиксации на исследуемом пищевом продукте макро- и микрорельефа следов зубов человека применяется 3D-сканер (например, RangeVision Spectrum), посредством использования которого воссоздается цифровая 3D-модель объекта-носителя со следами зубов человека.

2. Для сохранения в натуральном виде 3D-модели пищевого продукта – объекта-носителя следов зубов человека данную модель распечатывают на фотополимерном 3D-принтере (например, Anycubic Photon S) с помощью фотополимерной смолы (например, Anycubic). При этом точность копирования объекта по осям X и Y составляет около 0,047 мм, по оси Z – около 0,025 мм.

3. Распечатанную модель необходимо отмыть от остатков фотополимерной смолы, для чего целесообразно использовать этиловый или изопропиловый спирт.

¹ Антонов В.В. Некоторые особенности исследования следов зубов, изъятых с места преступления / В.В. Антонов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9(88). – С. 202–203.

² Макарова О.С. Значение исследования следов человека для расследования преступлений / О.С. Макарова // Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции: Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. – СПб., 2018. – С. 292–297.

4. Для окончательного застывания полученную копию пищевого продукта со следами зубов человека подвергают облучению в ультрафиолетовом спектре света.

Таким образом, предлагаемый нами способ прост и удобен в использовании, позволяет эффективно и надежно фиксировать следы зубов человека на пищевых продуктах, а также осуществлять более быстрое и точное изъятие данных следов для последующих судебно-медицинских и криминалистических идентификационных исследований. При этом способ обеспечивает не только надежную сохранность следов зубов человека на пищевых продуктах в натуральном виде, но и их цифровую фиксацию в 3D-модели объекта-носителя, что позволяет проводить его неоднократную 3D-печать, а также компьютеризированное сравнение обнаруженных и экспериментальных следов.

РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

Марченко Станислав Андреевич
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Статья посвящена процессу доказывания в судебном заседании по рассмотрению судом жалоб на процессуальные действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: жалоба, доказательство, суд, досудебное производство, судебный контроль, качество доказательств.

Основной причиной реализации права человека и гражданина в Российском уголовном процессе по обжалованию процессуальных действий или же бездействий и решений является незаконность принятого решения и необоснованные жалобы, поданные в суд на любое действие, бездействие или решение следователей, дознавателей и прокуроров.

Рассмотрение досудебных жалоб по уголовным делам – это особый процессуальный вид судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями органов предварительного следствия и прокуроров.

Ст. 125 Уголовно-процессуального Кодекса РФ указывает, что жалобы, на действия органа дознания, следователя и других должностных лиц, предусмотренных в статье, рассматривается в районном суде по месту совершения правонарушения, затрагивающего права, подающего жалобу.

Согласно этой же статье Уголовно-процессуального кодекса РФ, судья районного суда проверяет законность и обоснованность поданной жалобы, законность и обоснованность производства (бездействия) и решений следователей, дознавателей, других должностных лиц не позднее 5 дней со дня получения жалобы гражданина или его представителя. Участвуют соответствующие сотрудники, а также участвуют прокуроры, следователи и ответственные лица. В судебном заседании в порядке, установленном ч. 4 ст. 125 УПК РФ, судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности, заявитель обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся на судебное заседание лица, заявителю предоставляется право реплики.

Все судебные заседания, проводимые по ст. 125 Уголовно-Процессуального кодекса РФ должны проводиться в соответствии с 35 главой УПК РФ, устанавливающей правила проведения любого судебного слушания.

В ст. 46 Конституции РФ устанавливается право любого человека на гарантию судебной защиты его прав и свобод, в том числе и по обжалованию решений и действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве¹.

На практике суды без ошибок руководствуются ст. 125 УПК РФ, но зачастую возникают спорные ситуации, требующие дополнительной трактовки законодательства. В связи с этим, Пленум Верховного Суда РФ для более правильного и точного разрешения дел отметил, делопроизводство по ст. 125 УПК РФ производится в форме открытого судебного заседания, за исключением случаев, предусмотренных ст. 241 УПК РФ. Судьи обязаны проверять законность и обоснованность решений и действий/бездействий должностных лиц на основании предоставленных им данных, а также данных, предоставленных им дополнительно, касаемо заявлений и требований граждан об устранении нарушений и ущемлений их основных прав и свобод.

В соответствии со ст. 7 УПК РФ решение суда по результатам жалобы должно быть законным и обоснованным, основанным на изучении материалов дела, предоставленных заявителем жалобы. При проведении проверки законности решений и действий/ бездействий следователей, дознавателей и других должностных лиц, указанных в ст. 125 УПК РФ, на которые подана жалоба, судья должен не только устанавливать соблюдение должностным лицом формального требования закона, но и обязан удостовериться в фактической обоснованности решения, на которое была подана жалоба.

Однако судья не вправе выносить решения по вопросам, которые могут стать предметом уголовного дела впоследствии, в том числе по вопросам оценки доказательств, квалификации деяния или же об обоснованности обвинения.

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/consoc_AW_28399/9099dfd3d2c86f6a2e4e993085457883068dc405

Ст. 125 УПК РФ помимо решений дознавателей, следователей, других должностных лиц, к примеру, об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовных дел, предусматривает также жалобы на действия/бездействия должностных лиц, нанёсшие вред конституционным правам и свободам человека, может затруднить действия граждан в процессе уголовного производства на досудебной стадии, действия/бездействия должностных лиц, которые препятствуют осуществлению прав человека на доступ к осуществлению правосудия и т.д.

Законодательство РФ к действиям, ограничивающим доступ на свободное правосудие граждан, понимает действия/бездействия должностных лиц, которые ограничивают права человека на участие в досудебном производстве, препятствуют дальнейшему обращению за судебной защитой человека, в том числе отказ признать лицо потерпевшим, отказ в принятии сообщения о приготовлении или совершении преступления, отказ проверке заявление или непроведение проверки по принятому заявлению, непредоставление к ознакомлению материалов уголовного дела, в том числе по которому прекращено рассмотрение, отказ в пересмотре дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и т.д.

УПК РФ устанавливает право участников уголовного производства, чье право было нарушено, на возможность обжалования в судебном порядке действий/бездействий должностных лиц, которыми и произошло нарушение прав человека, устанавливает решения, а также действия/бездействия каких должностных лиц могут стать предметом судебного обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ. Исходя из того, что рассматривают сообщения о преступлении, принимают решения об отказе в приеме сообщения о преступлении, о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела также другие должностные лица и органы, в частности начальник органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ) и органы дознания (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 148 УПК РФ), заявитель вправе обжаловать и их действия.

Не подлежат обжалованию решения и действия (бездействия) должностных лиц по ст. 125 УПК РФ, чьи прямые должностные обязанности не связаны с досудебным производством по уголовному делу, в том числе действия должностных лиц прокуратуры по обращениям о рассмотрении законности судебных решений, надзор органов прокуратуры за деятельностью органов следствия, а также действия органов прокуратуры, выступающего в качестве участника судебного разбирательства со стороны обвинения.

В случае несогласия лица с вынесенным прокурором или руководителем следственного органа постановлением в соответствии со ст. 124 УПК РФ, предметом жалобы становится не само вынесенное постановление, а действия (бездействия) прокурора или руководителя следственного органа, которые причинили вред конституционным правам и свободам человека или способные причинить такой вред в будущем, а также способные затруднить доступ граждан к защите своих прав в судебном порядке.

На отмену постановления следователя или дознавателя, вынесенного решением прокурора также может быть подана в соответствии со ст. 125

УПК РФ жалоба, лицами, чьи конституционные права нарушаются таким решением, в том числе, лицами, признанными потерпевшими, потерпевшими при возобновлении ранее прекращенного делопроизводства и т.д.

Также действия (бездействия), решения по проверке законности и обоснованности, являющиеся исключительной компетенцией суда, не могут быть предметом жалобы, поданной в соответствии со ст. 125 УПК РФ, к примеру, жалобы на отказ следователя по проверке доказательств. Действия (бездействия), для которых уголовно-процессуальным законодательством установлен специальный порядок обжалования, в том числе жалобы на отказ в удовлетворении досудебного соглашения о сотрудничестве, решение об изменении объема обвинения или квалификации уголовно-противоправного деяния, возвращение прокурором дела для дополнительного следствия и другие действия (бездействия), решения органов следствия, прокуратуры, органов дознания также не могут быть предметом подаваемой в соответствии со ст. 125 УПК РФ¹.

Исходя из положений ч. 1 ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия (бездействие) должностных лиц в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования.

Как уже было указано ранее, в соответствии со ст. 125 УПК РФ жалобы на решения и действия (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, рассматриваются судьями районного суда, в территориальную подсудность которого относится место совершенного противоправного деяния, определяемое ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Если же место производства предварительного расследования определено в соответствии с требованиями ч. 2–6 ст. 152 УПК РФ, то такие жалобы рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, военных следственных органов и военных прокуратур, поданные в порядке ст. 125 УПК РФ по делам, подсудным военным судам, в соответствии с ч. 3 ст. 22 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» рассматриваются гарнизонными военными судами.

Жалоба подлежит возвращению подающему лицу в случаях, если отсутствуют необходимые для проверки сведения, к примеру, указания действий или решений, подлежащих обжалованию, отсутствуют сведения, подтверждающие полномочия представителя. Также жалоба подлежит возвращению в случае использования оскорбительных или нецензурных

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в ред. от 28.06.2022). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964

выражений в сторону должностных лиц, на чьи действия подается жалоба, а также в сторону других лиц, участвующих в деле. Жалоба подлежит возвращению для устранения недостатков, с указанием в постановлении причин принятия решения и разъяснением права вновь обратиться в суд. В таких случаях по смыслу ст. 125 УПК РФ, срок рассмотрения жалобы – 5 суток исчисляется с момента поступления жалобы в суд после устранения препятствий ее рассмотрения.

В случае подачи жалобы, предметом которой становится отказ органов следствия на прием сообщения о совершенном преступлении с указанием об отсутствии в сведениях обстоятельств, содержащих в себе признаки преступления, судья, помимо проверки законности и обоснованности вынесенного решения об отказе в приеме сообщения, должен также проверить было ли сообщение в органы предварительного следствия надлежащим заявлением о преступлении или же было подано заявление, не требующее определенной регистрации и проверки по правилам, установленным ст. 141–144 УПК РФ¹.

В соответствии со ст. 124–125 УПК РФ жалоба может быть подана в органы прокуратуры или руководителю следственного органа, а также в суда, судьям рекомендовано произвести действия по выяснению отсутствия/наличия таких жалоб в других органах власти, а также наличия положительных решений по аналогичным жалобам, поданным в суд.

Если у прокурора или руководителя следственного органа имеется жалоба, аналогичная поданной в суд, с положительным для лица решением либо решение, на которое была подана жалоба, отменено, то судья выносит решение об отказе в принятии жалобы в связи с отсутствием обстоятельств для проверки законности и обоснованности обжалуемых действий (бездействий) должностных лиц, на которые такая жалоба была подана. Если указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению.

В случаях, если жалоба направлена на постановление, отмененное прокурором или руководителем следственного органа, ранее отменялось в соответствии с соответствующим выносимым решением, то такая жалоба подлежит рассмотрению и принимается судьей к рассмотрению. В случае установления неправомерного бездействия органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении или предварительное расследование, судья принимает решение об удовлетворении жалобы и в своем постановлении, принятом в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ, обязывает соответствующее должностное лицо устранить допущенное нарушение закона.

При несогласии заявителя с решением прокурора или руководителя следственного органа либо при частичном удовлетворении содержащихся в жалобе требований жалоба, поданная в суд, также подлежит рассмотрению в соответствии со ст. 125 УПК РФ.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Судья прекращает производство по поданной жалобе ввиду отсутствия обстоятельств, создающих основание для проверки законности действий/бездействий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, в случае если лицо, подающее жалобу, отзывает ее. Судья, в зависимости от того, на какой стадии находится судебное делопроизводство по рассмотрению жалобы, выносит постановление об отказе к принятию жалобы или прекращении делопроизводства по жалобе, в случае установления факта направления уголовного дела, по которому подана жалоба, в суд для рассмотрения, а также в случае, если по такому уголовному делу вынесен приговор или иное судебное решение. Одновременно с этого заявителям разъясняется, что вопросы о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства он вправе поставить перед судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанции.

Однако в случаях подачи жалобы на решения и действия (бездействия), затрагивающие права заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства, жалобы принимаются к рассмотрению в судебном порядке. Подлежат рассмотрению также жалобы о незаконности и необоснованности решений или действий должностных лиц, которые на стадии судебного разбирательства не могут быть предметом проверки в соответствии с УПК РФ на законность и обоснованность, в том числе в апелляционном или кассационном порядке (ст. 389.2, 401.3 УПК РФ).

В случае наличия в жалобе обстоятельств, подлежащих отдельному самостоятельному рассмотрению, к примеру обстоятельств совершения должностными лицами, осуществляющими предварительное следствие, преступных действий, в соответствии со ст. 125 УПК РФ жалоба принимается судьей, независимо от того, на какой стадии производства находится уголовное дело, по которому подается жалоба.

Такие же правила применяются в случае нахождения поданной жалобы в апелляционной или кассационной инстанции и выяснении факта завершения предварительного расследования по уголовному делу.

Препятствует рассмотрению жалобы на действия и решение должностных лиц их неявка в судебное заседание, при условии надлежащего извещения и уведомления лиц, указанных в ст. 125 УПК РФ. При наличии уважительных причин неявки заявителей, иных лиц, чьи права и интересы прямо затрагивает поданная жалоба, и их настаивания рассмотрения дела в их присутствии, судья отлагает судебное разбирательство по рассмотрению жалобы и вновь извещает о новой дате и времени рассмотрения жалобы.

По смыслу ст. 125 УПК РФ должностные лица, чьи действия (бездействие) или решения обжалуются, могут быть при наличии к тому оснований вызваны в суд для выяснения обстоятельств, связанных с доводами жалобы.

При подготовке к рассмотрению жалобы судья истребует по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе материалы, послужившие основанием для решения или действия должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов

жалобы. Результаты исследования отражаются в протоколе судебного заседания, копии таких материалов хранятся в производстве по жалобе¹.

Таким образом, рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ должно отвечать, прежде всего требованиям проверки законности и обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений с позиции соблюдения при их осуществлении и принятии требований ст. 7 УПК РФ, где законодатель определил, что решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Процессуальное закрепление критериев законности и обоснованности представляется исключительно важным для достижения целей судебного контроля на стадиях досудебного производства.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Овчинникова Елена Андреевна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Тема суда присяжных весьма распространена среди спектра научных интересов, привлекающих внимание исследователей. Невзирая на немалое количество проведенных учеными изысканий и полученных, казалось бы, весомых результатов в части разрешения насущных процессуально-правовых проблем, по-прежнему остаются неразрешенными, либо возникают новые спорные вопросы, занимающие умы ученых и практиков. К числу таковых можно отнести принципы уголовного судопроизводства и их реализацию в условиях суда присяжных.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд присяжных, принципы, свобода оценки доказательств.

Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей, являясь особой формой производства по уголовным делам, имеет ряд принципиальных особенностей. Известно, что принципы уголовного судопроизводства, как основополагающие начала, получают свое высшее воплощение при производстве в «специфической сфере» отечественного уголовного производства – в суде присяжных. Особенно к таким принципам относятся

---

¹ Цурлуй О.Ю. Особенности доказывания в судебном заседании по рассмотрению жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ / О.Ю. Цурлуй // Юридический вестник Самарского университета. 2015. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-v-sudebnom-za-sedanii-po-rassmotreniyu-zhalob-v-poryadke-stati-125-upk-rf>

право на защиту, презумпция невиновности, состязательность, и др., на что указывают многие авторы¹. Также необходимо отметить, что достаточное внимание ученых уделено и принципу справедливости уголовного судопроизводства, в частности относимым к нему вопросам реализации этого принципа в суде присяжных.

Обращаясь к формальному содержанию процессуального закона, следует подчеркнуть, что справедливость в качестве принципа в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплена. Аналогичным образом ситуация обстоит и с так называемым принципом гласности при производстве в суде присяжных, которую законодатель определяет в положениях уголовно-процессуального закона как общее условие судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ).

Достаточно часто в науке встречаются идеи и рассуждения об отнесении к принципам суда присяжных такого понятия как «коллегиальность», вопросы соотношения коллегиального и единоличного рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей и др., однако в действующем уголовно-процессуальном законе законодатель также не упоминает такой принцип.

Все вышеперечисленные идеи и условия, бесспорно, не смотря на отсутствие своего легального закрепления в процессуально-правовых актах, имеют огромное значение для полноценного функционирования судопроизводства с участием присяжных заседателей, и в своем конечном итоге для достижения единственной цели судебной деятельности – вынесения законного, обоснованного, мотивированного, ... справедливого судебного решения². Однако следует констатировать, что причисление этих идей и условий к перечню официальных принципов уголовного судопроизводства создает определенные проблемы практического характера, например, осложняет правоприменение, затрудняет правообеспечение, создает ложные, неправильные или искаженные представления о содержании тех или иных правовых предписаний.

Интересным, с точки зрения порядка реализации, представляется принцип свободы оценки доказательств в условиях особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей. Известно, что закон устанавливает определенную единую процедуру исследования и оценки доказательств. Как председательствующий судья, так и коллегия присяжных заседателей должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле

---

¹ Борохова Н.Е. Принципы уголовного судопроизводства в суде присяжных / Н.Е. Борохова // Право: история, теория, практика: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург. Октябрь 2019 г.). – СПб. : Свое издательство, 2019. – С. 16–18; Даровских С.М. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей / С.М. Даровских // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузов. сб. науч. тр. Уфа: РИО БашГУ, 2003. – URL : <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa2003>

² Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019. – С. 7–8.

доказательств, руководствуясь законом и совестью. Но, в отличие от профессионального судьи, присяжные заседатели, впервые сталкиваясь с процессом рассмотрения уголовного дела в качестве непрофессионального судьи, не владеют умением и опытом оценки доказательств, порой не имеют правильного представления о сущности доказательств и уж тем более не способны руководствоваться законом при оценке доказательств. Также спорным, с точки зрения правовой лингвистики, представляется установленное законодателем понятие «совесть». Совесть – сложная субъективная нравственно-философская категория¹, относящаяся и к морально-оценочной категории. В правовой науке единого мнения относительно указанного термина не сложилось по очевидным причинам. В этой связи полезно обратиться к ранее действовавшему УПК РСФСР, который при оценке доказательств предусматривал, как представляется, более удачную в правовом плане категорию – «правосознание». Правосознание определялось как правовое явление, закрепленное в законе и используемое в практической уголовно-процессуальной деятельности². Оно было легально признано, нормативно закреплено и имело как теоретическую, так и практическую значимость при оценке доказательств. Термин «правосознание», в отличие от «совести», является правовым явлением и его элементы могли бы послужить некой основой регулирования процесса оценки доказательств присяжными, обеспечив в полной мере реализацию самого принципа свободы оценки доказательств в условиях особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей.

ЗАЩИТА ОТ ПОДОЗРЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Петрикин Владимир Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФГБОУВО «КубГУ», г. Краснодар

Аннотация. Современное состояние института подозрения в уголовном процессе требует глубокого научного анализа и совершенствования правового регулирования. Актуальным является развитие прав подозреваемого в целях их эффективного использования для защиты от незаконного и необоснованного подозрения и возможного обвинения.

Ключевые слова: уголовный процесс, подозрение, подозреваемый, суд, защита, законность, обоснованность.

---

¹ Аверченко А.К. Закон и совесть, как основные критерии формирования внутреннего убеждения судьи в процессе оценки доказательств по уголовному делу / А.К. Аверченко, И.А. Лужная // Аллея науки. – 2020. – № 9(48). – С. 323–327.

² Лось С.Л. Правосознание в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса / С.Л. Лось // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 114–117.

Уголовно-процессуальный закон не раскрывает понятия подозрения, но в то же время указывает, кто является подозреваемым. Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, это лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, которое задержано либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения.

При этом следует отметить, что статус подозреваемого возникает независимо от того есть ли у органа предварительного следствия какие-либо доказательства, соответствующие требованиям ст. 74 УПК РФ либо их вообще нет. Последнее имеет место, когда решение о возбуждении уголовного дела принимается при получении следователем результатов оперативно-розыскной деятельности.

Проблема момента появления статуса подозреваемого у лица привлекает внимание учёных процессуалистов, что указывает на актуальность совершенствования механизма защиты прав подозреваемого¹.

С момента появления процессуального статуса подозреваемого у лица появляются права, использование которых во многом влияет на дальнейший ход расследования по уголовному делу. Наиболее значимыми из них на первоначальном этапе является право пользоваться помощью защитника, а также знакомиться с протоколами следственных действий и иными документами.

Как правило, появления статуса подозреваемого у лица не всегда является ожидаемым, в силу чего возможно наступление негативных последствий, которые в дальнейшем повлияют на результат расследования уголовного дела. Речь идёт о предоставлении следователем защитника по назначению, в случае невозможности самому подозреваемому пригласить защитника по соглашению. В этом случае такой защитник может рекомендовать дать показания, которые в дальнейшем будут использованы против подозреваемого, а исправить такую ситуацию весьма затруднительно.

Так, приговором Прикубанского районного суда г. Краснодара от 25.10.2019 г. Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ. В основу обвинения были положены его показания данные в ходе допроса в качестве подозреваемого 22.11.2017 г. о том, что он предлагал Е., являющейся судебным приставом-исполнителем денежные средства в размере 1920000 рублей в виде взятки, при этом в начале он должен был передать 600000 рублей, а оставшуюся часть в размере 1320000 рублей передаст позже. Между тем, как выяснила сторона защиты позже, в материалах уголовного дела отсутствовали какие-либо сведения о намерении передать 1320000 рублей, а также самих этих денег у подсудимого, что повлекло его осуждение².

---

¹ Пономаренко С.И. Процессуальные основы статуса подозреваемого / С.И. Пономаренко, А.С. Пономаренко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2.

² Уголовное дело № 1-544/2019. Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара за 2019 год.

При возникновении подобных ситуаций, когда показания подозреваемого могут использоваться против него при наличии отказа от таких показаний наиболее целесообразным, является отказ от дачи показаний на первоначальном этапе расследования.

Важным правовым средством защиты прав подозреваемого, не указанном в ст. 46 УПК РФ, является возможность ознакомиться с определёнными процессуальными и иными документами, содержащими основания для подозрения. Речь идёт о материалах проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ.

Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разрешая жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела, суд должен учитывать, что такое решение принимается следователем, на основании полученных в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В связи с этим при рассмотрении доводов жалобы судья проверяет, соблюден ли порядок вынесения постановления, обладало ли при этом должностное лицо необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание к возбуждению уголовного дела, нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу, а также законность и обоснованность произведенных в ходе проверки сообщения о преступлении процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, по результатам которых должностным лицом сделан вывод о наличии достаточных данных, указывающих на признаки конкретного преступления¹.

Таким образом, обжалование подозреваемым постановления о возбуждении уголовного дела либо постановления об избрании следователем меры пресечения в судебном порядке позволит ознакомиться с документами, содержащими основания для возбуждения уголовного дела и в дальнейшем защищаться от подозрения.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что грамотное использование подозреваемым разрешённых уголовно-процессуальных средств защиты позволит избежать незаконного и необоснованного подозрения и возможного обвинения.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – URL : <https://www.vsrif.ru>

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА КАЧЕСТВО СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Петрикина Анна Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Современный уровень развития специальных знаний требует глубокого научного анализа и своевременного правового регулирования. Актуальным является выделение и правовое определение новых форм работы эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве в целях повышения качества выносимых судебных решений.

Ключевые слова: уголовный процесс, эксперт, специалист, суд, законность, обоснованность, справедливость.

Основной тенденцией современной уголовно-процессуальной политики России является сохранение и развитие в уголовно-процессуальном законодательстве, в судебной и правоприменительной практике конституционных принципов¹ уголовного судопроизводства, принципов и норм международного права. Поддержание этого возможно только за счет поддержания высокого качества выносимых судебных решений. Зачастую они выносятся исходя из анализа доказательств, полученных с помощью специальных знаний. Однако научные исследования возможностей их использования в уголовном судопроизводстве ведутся крайне медленно.

Значительным достижением современного общества является стремление гарантировать соблюдение прав и свобод человека во всех сферах его жизни. Особое значение такие гарантии имеют в уголовном судопроизводстве.

В последние годы возможность использования специальных знаний при обосновании судебного приговора приобретает новые грани. В связи с необходимостью применения на практике их новых форм важным становится установление универсальных требований к специалистам и экспертам, оказывающим помощь в суде. В этом нормативном правовом акте должны быть отражены формы использования специальных знаний в

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 10.09.2022).

уголовном процессе¹, стандарты деятельности экспертов и специалистов, подходы к их аккредитации. Все это будет способствовать восстановлению социальной справедливости при объективном подходе к определению виновности лица в совершении преступления.

Судебная практика очень противоречива. Это является негативным фактором, влияющим на справедливость приговоров. Некоторые суды основывают приговоры полностью на заключениях экспертов, другие исключают эти доказательства из уголовного дела. Суд обязан сопоставить выводы эксперта с данными об участниках дела, обстоятельствах и причинно-следственных связях событий.

Можно выделить следующие факторы, влияющие на законность, обоснованность, справедливость и в целом на качество принимаемых судебных решений:

- правовые пробелы в области единого понимания терминов уголовного, уголовно- процессуального права, экспертной деятельности;
- признание только традиционных форм использования специальных знаний в уголовном процессе без учета современных научных технологий, что неизбежно влечет недостаточную обоснованность приговоров;
- отсутствие специалистов для оказания квалифицированной технической помощи и надлежащей профессиональной подготовки следователей, прокуроров, судей к удаленной работе.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит конкретных требований к возрасту, гражданству, уровню образования, стажу работы в соответствующей должности с использованием собственных практических навыков для специалистов, экспертов, переводчиков, педагогов, психологов. Это не всегда благоприятно сказывается на реализации задач уголовного процесса. Но в отсутствии строгой правовой базы можно найти и положительные моменты (быстрый поиск специалиста, экономия процессуальных сил и средств²).

Отрицательные стороны этого подхода:

- неэффективность деятельности (невыполнение функции содействия правосудию) специалиста и эксперта;
- нарушение прав и законных интересов участников уголовного процесса;
- неспособность привлечь виновных к ответственности и защитить свидетелей и жертв;
- необоснованность и несправедливость приговоров.

---

¹ Омелянюк Г.Г. Использование инновационных механизмов повышения качества экспертного производства при совершенствовании законодательства о судебно-экспертной деятельности / Г.Г. Омелянюк // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 1(33). – С. 15.

² Тарасов А.А. «Правовые заключения» экспертов и специалистов в российском судопроизводстве / А.А. Тарасов, А.Р. Шарипова // Вестник СПб, Право. – 2017. – № 4. – С. 430–442.

Суд должен учитывать новейшие технологии и научные достижения в отправлении правосудия по уголовным делам, правильно их применять, гарантируя высокое качество принятых решений. Именно поэтому необходимо разработать универсальные стандарты деятельности специалистов и экспертов в уголовном судопроизводстве. В этом документе должны быть указаны единые требования к специалистам, экспертам, аккредитации экспертных организаций всех форм собственности и форм использования специальных знаний для отправления правосудия.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБНАРУЖЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Плетнев Вячеслав Витальевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Раскрытие и расследование преступлений, судебное рассмотрение уголовных дел предстают как познавательные процессы, структурными элементами которыми являются комплексы логистических, эвристических и интуитивных операций. Основным эвристическим методом в расследовании и судебном производстве является криминалистическая версия.

Ключевые слова: расследование, судебное разбирательство, познавательный процесс, криминалистическая версия.

Важнейшим логическим инструментом поиска доказательственной информации являются криминалистические версии. Версия, как известно, – это логически построенное, основанное на фактических данных предположительное объяснение сущности и связей расследуемого события, отдельных его сторон и обстоятельств¹. Являясь по своей логической природе разновидностью частной гипотезы, она отражает предварительное объяснение ограниченного числа фактов, сведениями о которых вначале располагает следователь, и вместе с тем указывает, какие еще неизвестные факты должны быть установлены для всестороннего выяснения признаков расследуемого события. Именно в этом - главная поисковая ценность версии.

---

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 417–418; Белкин Р.С. – М., 1997. – Т. 2. – С. 360; Криминалистика / Под ред. А.А. Хмырова и В.Д. Зеленского, Краснодар, 1998. – С. 44; Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. – М., 1999. – С. 472; Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976. – С. 53; Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М., 1978. – С. 5 [и др.].

Наличие обширной криминалистической литературы, посвященной следственным версиям, позволяет остановиться лишь на этой стороне проблемы.

Располагая в начале расследования, как правило, весьма ограниченной информацией о событии преступления и его участниках, следователь вынужден по необходимости давать каждому из известных ему фактов и возможной его связи с расследуемым событием предположительное объяснение. Поскольку такие объяснения носят вероятный характер, следователь не может ограничиться одним из них, а должен выдвинуть все реально возможные в данной ситуации объяснения события в целом и каждого из элементов предмета доказывания, а также каждого из промежуточных фактов, на основе которых эти элементы устанавливаются. Как было сказано выше, версия должна основываться на фактических данных. Это, как правильно отмечалось в литературе, следует понимать в том смысле, что в основу версии кладутся не только сведения о фактах, но и предположения о возможной связи фактов с расследуемым событием, причем доминирующая роль принадлежит как раз связям¹.

Поэтому, сталкиваясь с каждым новым фактом, следователь, прежде всего, ставит перед собой вопрос, не связан ли этот факт с событием преступления или с другими обстоятельствами, связь которых с преступлением уже установлена, и делает выводы из предполагаемого наличия такой связи. Так и возникает следственная версия.

В основу версии должны быть положены фактические данные, известные следователю к моменту ее построения. Вопрос о том, когда наступает этот момент, по-разному решается в криминалистической литературе. Так, Г.Н. Александров считал, что к построению версий следователь должен приступать лишь после проведения первоначальных действий, в частности, осмотра места происшествия. Предположительные объяснения сущности и возможной связи с преступлением отдельных обстоятельств, с которыми сталкивается следователь в ходе осмотра, он не считал версиями, относя их к «случайным мыслям, догадкам следователя, которые во множестве возникают и могут возникать у него в процессе следствия»². Рекомендацию производить осмотр «с учетом всех версий, практически возможных для данной ситуации»³, Г.Н. Александров полагал ошибочной, приводящей к предвзятости, ориентирующей на субъективный метод производства осмотра»⁴.

Данная точка зрения не была воспринята большинством отечественных криминалистов, поскольку автор не рассматривал в качестве версий предположительные объяснения отдельных фактов и обстоятельств,

---

¹ См.: Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. – С. 136.

² Александров Г.Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии / Г.Н. Александров // Вопросы криминалистики. – М., 1962. – № 3(18). – С. 8.

³ Осмотр места происшествия. – М., 1960. – С. 51.

⁴ Александров Г.Н. Указ. работа. – С. 9–10.

которые вероятно могут быть связаны с преступлением. Между тем, по общепринятой в настоящее время классификации такие предположительные объяснения являются частными версиями. Они могут возникать у следователя не только по окончании, но и в ходе следственного действия, кстати, не только осмотра места происшествия, но и обыска, допроса и других действий. Более того, следователь в ходе любого следственного действия не может не давать разносторонних предположительных объяснений каждому факту, сведения о котором становятся ему известными. Как правильно заметил А.Р. Ратинов, требование, чтобы следователь в ходе следственного действия не строил никаких предположений о значении для дела устанавливаемых данных и их связи с расследуемым делом, «по существу равносильно запрещению мыслить»¹. Только всесторонняя оценка каждого факта на основе всех реально допустимых версий и делает каждое следственное действие, а вместе с этим и все расследование в целом полным и объективным.

Другой важный вопрос, связанный с построением версий, относится к характеру данных, составляющих фактическое основание версии. Суть вопроса в том, могут ли в этом качестве использоваться только доказательства, полученные в установленном законом процессуальном порядке, либо версия может выдвигаться и на основании непроцессуальных сведений – данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, анонимных сообщений и даже слухов.

Не подлежит сомнению, что фактическую основу версии составляют доказательства, полученные в ходе процессуальных действий следователя или органов дознания. Однако это, на наш взгляд, не должно исключать возможности использовать в этом качестве и оперативно-розыскные данные, а также сведения из других непроцессуальных источников. Возражения противников такого решения вопроса сводятся к тому, что построение версии на основе ненадежных, недостаточно проверенных данных, конкретный источник которых иногда не известен, может привести к серьезным нарушениям прав человека, поскольку проверка версий связана с проведением следственных действий, в том числе принудительного характера – таких, как задержание, обыск, выемка. Эти доводы не представляются убедительными. Версия – предположительное объяснение события, и по этой причине она не может служить основанием для принятия процессуальных решений, а подлежит проверке. В ходе проверки могут производиться и те процессуальные действия, которые связаны с принуждением. Однако основанием для их производства служит не версия, а конкретные обстоятельства, прямо указанные в законе, и эти обстоятельства устанавливаются процессуальными средствами.

Для построения версий нужны и логические основания. Это, прежде всего, анализ тех данных, которые могут быть положены в фактическое

---

¹ Ратников А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 243.

основание версии, а также их синтез – рассмотрение всех этих данных в совокупности. В качестве логического основания широко используется аналогия – умозаключение, в котором на основании сходства предметов, явлений или событий в одних признаках делается вывод об их сходстве и в других признаках¹. Поскольку по делу выдвигается не одна версия, а несколько, и даже несколько систем версий, включающих общие версии по элементам состава и частные, при построении таких систем используется широкий круг логических оснований: дедуктивные и индуктивные умозаключения, сравнение (сопоставление) и др.²

Каждая из выдвинутых следственных версий подвергается логическому анализу, в ходе которого из нее выводятся логические следствия - дедуктивные умозаключения о фактах, которые непременно должны или могут иметь место, если данная версия верна. На этом же этапе определяется характер предполагаемых отражений каждого из следствий, т.е. определяется круг и характер возможных доказательств наличия каждого из следствий, выведенных из версии³. Это и составляет логическую основу поиска доказательств. Успех этого поиска зависит от ряда факторов. Во-первых, следователь должен хорошо и точно знать признаки состава расследуемого преступления, способы его совершения, механизм слеодообразования, типичные доказательства и их локализацию, иначе говоря, хорошо знать криминалистическую характеристику данного вида или группы преступлений.

Далее, как упоминалось выше, он должен знать конкретные формы объективных связей доказательств с расследуемым событием и методы выявления этих связей, описанные в криминалистической литературе⁴. Наконец, большое значение имеет уровень профессиональной подготовки следователя, его эрудиция, наличие жизненного и профессионального опыта, а также определенных личностных качеств, подробно описанных в психологической литературе. От количества и разнообразия выведенных из версии логических следствий зависит надежность выводов по результатам проверки данной версии.

Проверка осуществляется путем производства следственных, иных процессуальных и оперативно-розыскных действий, направленных на изучение доказательств, устанавливающих наличие или отсутствие фактов, являющихся логическими следствиями, выведенными по данной версии.

---

¹ См.: Формальная логика. – Л., 1977. – С. 128–129.

² Подробнее см.: Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М., 1978. – С. 37–51; Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. – М., 1958. – С. 79–91.

³ См.: Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976. – С. 69.

⁴ Эти проблемы подробно исследовались в работах: Эйсман А.А. О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. – М., 1964. – № 11. – С. 12–30; Хмыров А.А. О понятии косвенных доказательств и их значении в расследовании преступлений / А.А. Хмыров // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 97–106; Его же. Проблемы теории доказывания. – С. 23–59.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ «ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»

Пшавя Вероника Викторовна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права,

Северо-Кавказский филиал

ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. Искусственный интеллект и новейшие современные технологии начинают вносить определённые коррективы как в саму преступную деятельность, так и в работу правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений. В связи с чем особую актуальность приобретает развитие такого актуального направления криминалистической науки как «цифровая криминалистика», в основе становления которой должно лежать четкое нормативное регулирование.

Ключевые слова: цифровой след, киберпреступления, современные технологии, «цифровая криминалистика», уголовно-процессуальное законодательство.

В условиях четвёртой промышленной революции невозможно избежать внедрения современных технологий во все отрасли жизнедеятельности общества и государства, и перевода практически всех общественных отношений и коммуникаций в цифровую форму, что является весьма актуальным и для современной России.

В последние десятилетия искусственный интеллект все глубже проникает в повседневную жизнь – практически не осталось сферы, в которой в том или ином объеме он не использовался бы.

Однако, современные технологии в последнее время используются не только во благо. Значительно вырос за последние годы процент преступлений, совершаемых с использованием достижений искусственного интеллекта или в интернет-пространстве: преступления в области телекоммуникаций, незаконное использование банковской сети для электронных платежей, мошенничество с кредитными картами, программное «пиратство», мошенничество с использованием игровых автоматов и др. Преступники при совершении этих и ряда иных преступлений оставляют множество «цифровых» следов, которые могут быть обнаружены, собраны и исследованы только с использованием цифровых технологий. Так же остро на повестке дня стоят вопросы, связанные с электронными доказательствами компьютерного происхождения, которые используются при расследовании преступлений.

В связи с чем, в последние годы можно говорить о появлении отдельного направления криминалистической науки – «цифровой криминалистики»¹.

Стоит отметить, что в зарубежной научной литературе внимание на вопросы искусственного интеллекта и цифровых технологий, а также на возможности их применения в юриспруденции как таковой, и в судопроизводстве, в частности, было обращено еще несколько десятилетий назад. В то время как в Российской Федерации активный интерес к этой теме ученые стали проявлять совсем недавно.

Одним из проблемных аспектов на теоретическом уровне является отсутствие единой позиции авторов по вопросу о самом термине и его дефиниции. Так, И.В. Медведев предлагает использовать термин «форензика», под которой понимает сбор, исследование и оценку следов преступлений в компьютерной области².

С точки зрения В.Б. Вехова правильным следует считать название «электронная криминалистика», под которой он понимает систему научных положений, являющихся основой для разработки технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений³.

По мнению П.С. Пастухова более точным является название «компьютерная криминалистика», которая будет изучать особенности сбора, сохранения, анализа и представления данных, имеющих отношение к любым компьютерным средствам, мобильным телефонам и другим устройствам, осуществляющим фиксацию информации в цифровой форме⁴. На наш взгляд, автор, предлагая подобный термин, в приведенной к нему дефиниции противоречит сам себе, предлагая к изучению в данном направлении криминалистики более широкий перечень источников цифровой информации, не ограничивающийся только компьютером.

М.А. Романенко предлагает ввести усложненный термин «судебная дигитология», обосновывая это название необходимостью разработки научных положений, а также своеобразных технических средств, приемов и методов для сбора, исследования сведений и доказательств по уголовным делам, а также иных мер раскрытия и предупреждения преступлений с использованием электронноцифровых устройств, программ и явлений, в основе

---

¹ Ищенко Е.П. У истоков цифровой криминалистики / Е.П. Ищенко // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 3. – С. 20.

² Медведев И.В. Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России / И.В. Медведев // Пролог: журнал о праве. – 2013. – № 3. – С. 66.

³ Вехов В.Б. «Электронная» криминалистика: что за этим понятием? / В.Б. Вехов // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 79.

⁴ Пастухов П.С. О необходимости развития компьютерной криминалистики / П.С. Пастухов // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 453.

функционирования которых лежат вычислительные процессы, имеющие объективное выражение¹.

Каждая из приведенных дефиниций имеет право на существование, хотя и отличается, на наш взгляд, односторонностью понимания содержания нового направления криминалистических знаний ввиду недостаточности исследования и многоплановости данного явления.

С нашей точки зрения, именно термин «цифровая криминалистика» с одной стороны – очень доступно, а с другой стороны – наиболее полно отражает содержание особенностей тех преступных деяний, которые совершаются в информационно-коммуникационной сфере. И разделяем точку зрения Я.А. Климовой, которая под «цифровой криминалистикой» предлагает понимать отрасль криминалистики, изучающую закономерности возникновения цифровых следов, отражающих механизм совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также возможности адаптации традиционных методов для обнаружения цифровых следов и доказательств².

Поскольку история становления и развития цифровой криминалистики в нашей стране насчитывает всего несколько лет, то и практический опыт борьбы с киберпреступностью и противодействия преступлениям, которые совершаются с использованием новых цифровых технологий, только начинает набираться.

Существенной проблемой, с нашей точки зрения, является также отсутствие должного нормативного регулирования обозначенных вопросов. Хотя нельзя не отметить, что в последние годы законодатель стал обращать внимание на совершенствование уголовно-процессуального законодательства в плане регулирования вопросов использования научно-технических средств и новых методов для решения задач «цифровой криминалистики» (например, ст. 164.1 УПК РФ, ст. 186.1 УПК РФ, ст. 189.1 УПК РФ). Однако, совершенствование законодательства идет не так активно, как развитие самих цифровых технологий и возможностей их использования для совершения преступлений.

Для становления такого направления криминалистических знаний как «цифровая криминалистика» необходимо, на наш взгляд, более динамично совершенствовать действующее законодательство, внося коррективы не только в УК РФ, закрепляя новые составы киберпреступлений, но и совершенствовать уголовно-процессуальные нормы, направленные на регулирование процесса их расследования.

Кроме того, в юридической науке необходимо выработать единый подход к пониманию термина «цифровой криминалистики»; четко определить структуры «цифровой криминалистики»; создать условия для

---

¹ Романенко М.А. Новый подход к содержанию системы криминалистической техники / М.А. Романенко // Вестник Пермского университета. Серия «Юрид. науки». – 2008. – №. 2. – С. 117.

² Климова Я.А. Цифровая криминалистика: перспективы развития / Я.А. Климова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 130.

совершенствования техники и технологий «цифровой криминалистики»; разработать тактические положения «цифровой криминалистики», т.е. конкретные научные положения и практические рекомендации по организации и планированию расследования и предупреждению преступлений, совершаемых с использованием новых цифровых технологий.

Также важной составляющей в развитии «цифровой криминалистики» является подготовка специалистов для работы в данной области научной деятельности, обладающих не только теоретическими знаниями о современных научно-технических средствах и достижениях цифровой сферы, но и практическими навыками их применения.

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Рябова Анна Валерьевна
преподаватель,
ГБПОУ КК «КМТ», г. Краснодар

Аннотация. Возмещение морального вреда является важной составляющей российского законодательства. Оно позволяет защитить права и интересы граждан, пострадавших от неправомерных действий других лиц. Развитие данного института требует постоянного совершенствования и уточнения правовых норм, чтобы гарантировать справедливое восстановление нарушенных прав потерпевших.

Ключевые слова: моральный вред, неимущественные блага, физические и нравственные страдания, возмещение вреда, уголовное судопроизводство.

Обращаясь к рассмотрению основных этапов становления института возмещения морального вреда, следует начать с римского права, традиционно делавшем акцент на защите имущественных прав граждан, предполагалась установка и к защите нематериальной сферы жизни человека: жизни, здоровья, чести, достоинства. Введенные еще Законами XII таблиц вознаграждения: за сломанную кость свободного человека – 300 ассов, раба – 150 ассов, за причинение обиды (нанесение побоев, унижительных ударов, без ранения) – 25 ассов и т.д. были очевидной попыткой не только, выражаясь сегодняшним языком, компенсировать вред здоровью, но и материально компенсировать доставленные потерпевшему страдания¹.

Безусловно широкое распространение денежных выплат в пользу пострадавших играло прогрессивную роль, выступая в качестве замены существовавшего тогда института кровной мести. Такая система вознаграждения

---

¹ Хрестоматия по истории Древнего мира. Рим / Под ред. акад. В.В. Струве. – М., 1953. – Т. III. – С. 21–33.

была распространена в течение XVII в. и отражала традиционные представления о справедливости и компенсации. Однако впоследствии она была постепенно заменена другими формами компенсации и возмещения вреда, отвечающими смене общественных ценностей и законодательства.

История права древнерусского государства показывает, что защита нематериальной сферы жизни человека, включая возмещение ущерба потерпевшим, была важным аспектом правовой системы. Однако, эта система не была безупречной и продолжала эволюционировать с течением времени.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что если компенсация морального вреда в правовых системах многих стран является способом правовой защиты личных нематериальных благ, то в русском праве с самого начала сказывается его определенный самобытный характер, выразившийся в установлении денежных вознаграждений за посягательства не только на нематериальные блага, но и на довольно широкий круг имущественных прав граждан.

Представляют интерес и первые письменные источники древнерусского права, а именно: договоры, которые заключили с греками князь Олег (911 г.) и князь Игорь (945 г.). Здесь содержатся нормы, которые регулируют наказания за уголовные преступления, связанные в том числе с выплатой материального вознаграждения, и относящиеся как к гражданскому, так и к уголовному праву. Так, статья 4 договора от 911 г. указывает на ответственность за убийство, а в случае бегства убийцы его имущество переходило в пользу родственников убитого. А в случае отсутствия имущества, убийца предавался смерти при обнаружении. Статья 14 договора 945 г. предусматривала денежное взыскание за причинение телесных повреждений¹.

Первый отечественный кодекс – Русская Правда – предусматривает целый ряд статей, направленных на защиту жизни, здоровья, чести, а также имущественной сферы жизни человека. При воровстве, незаконном пользовании чужой вещью помимо возмещения имущественного ущерба устанавливалось особое денежное вознаграждение «за обиду». Например, немало внимания уделяется материальной ответственности за посягательство на честь и достоинство человека, например, за такое, как рвание усов и бороды как символов мужественности или за удар не обнажённым мечом. Статья 2 Краткой редакции Русской Правды в случае нанесения телесных повреждений предоставляет потерпевшему альтернативу: либо самому мстить обидчику, либо, в случае отказа от мести, получить с последнего 3 гривны за обиду². Статьи этого кодекса предусматривали наказание за убийство, ограбление, насилие и клевету. Они также устанавливали штрафы и компенсации за причинение ущерба имуществу. Таким образом, Русская Правда, будучи одним из первых кодексов в Русском государстве, ставила перед

¹ Разбор отличий см.: Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс; Пер. Иван Платонов. – СПб., 1835. – С. 151–180, 210–233.

² Российское законодательство X–XX веков. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 66.

собой задачу обеспечения общественной справедливости и защиты прав человека.

Это было обусловлено тем, что в тот период считалось, что причинение ущерба не только имуществу, но и чести и достоинству человека несет за собой моральный и психологический ущерб, который также должен быть компенсирован. Дополнительное денежное вознаграждение выплачивалось для возмещения этого ущерба. Этот принцип был основан на идее справедливости и защите прав человека.

Так, Соборное уложение 1649 г. в ст. 210 гл. X, в частности, предусматривает: «А буде кто чье стадо конское или иные животины с своея, или с чюжия земли взгонит к себе во двор насильством безвинно... будет он которую животину уморит голодом или убьет, и на нем за ту животину велеть доправити указную цену вдвое, и отдати исцу...»¹.

Таким образом, в отечественном праве при компенсации за моральные издержки, связанные с посягательством как на материальные, так и на нематериальные блага, прослеживалась четкая тенденция к максимальному фиксированию размера причитающихся выплат. «Нельзя предоставить судье каждый раз решать самому о размере бесчестья по индивидуальным обстоятельствам дела: он должен иметь, по мысли прежнего законодателя, таблицы и таксы. Пусть эти таблицы и таксы произвольны, но они устанавливают известный внешний порядок, внешнюю градацию»².

В последующем возмещение вреда стало регулироваться Законом от 21 марта 1851 г. Однако в нем отсутствовали какие-либо четкие общие нормы, предусматривающие возможность материальной компенсации морального вреда в качестве одного из способов защиты гражданских прав личности. В законе можно найти только относительные, частные аналоги института компенсации морального вреда, которые, разумеется, не могли охватить все возможные случаи его причинения³.

Этот проект Гражданского уложения предлагал включить в законодательство России такие новшества, как защита личных прав и свобод граждан, защита чести и достоинства, защита патентных прав и авторских прав, а также защита прав потребителей.

Такое изменение законодательства отвечало общемировым тенденциям и стремлению обеспечить гражданам правовую защиту не только в отношении их имущественных интересов, но и в отношении их личности. Это было связано с развитием общества и увеличившимся осознанием важности защиты неимущественных благ.

---

¹ Российское законодательство X–XX вв. под общей редакцией О.И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1985. – Т. 3.

² Востриков А.В. Манифест Екатерины II «О поединках». Книга о русской дуэли. – СПб. : Азбука, 2014. – С. 39–49.

³ Моносзон С.М. О происхождении статей 644–682 и 684–689 Свода законов гражданских, Закона 21 марта 1851 г.: семинарий по гражданскому праву. – М. : Моск. гор. нар. ун-т имени А.Л. Шанявского, 1913. – С. 36.

Однако, проект нового Гражданского уложения 1905 г. так и не был принят, и вместо него было принято Гражданское уложение 1906 года. В нем, хотя и была отражена тенденция к защите неимущественных благ, эта защита не была достаточно развита и подробно регламентирована.

Тем не менее, предложения, содержащиеся в проекте нового Гражданского уложения 1905 года, были важным шагом к формированию института защиты неимущественных благ в России. В дальнейшем они нашли свое отражение в законодательстве других стран и способствовали развитию современной системы правовой защиты личности и ее нематериальных интересов¹.

В 20-е годы, после принятия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., среди юристов возникли споры по поводу допустимости возмещения морального вреда. Одни сторонники возмещения морального вреда считали, что это необходимо для защиты прав граждан, в том числе их непреходящих прав на личность. Они полагали, что при наличии причинно-следственной связи между правонарушением и причиненным моральным вредом, пострадавшему должна быть предоставлена возможность получить возмещение за такой вред.

Другие же юристы считали, что возмещение морального вреда недопустимо, поскольку оно является неимущественным возмещением и не подпадает под правовую охрану, предоставляемую гражданским законодательством.

Споры по этому вопросу продолжались вплоть до последних лет Советского Союза, когда было принято решение о включении в Гражданский кодекс РСФСР 1991 г. положения о возмещении морального вреда. С тех пор компенсация морального вреда стала обязательным элементом гражданского законодательства Российской Федерации.

После принятия в 1964 г. нового Гражданского кодекса РСФСР, в ст. 1 которого было сказано, что ГК РСФСР «регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения», дискуссии о возможности материального возмещения морального вреда возобновились².

В странах со сложившимися обстоятельствами законодательство, которое регулирует уголовное судопроизводство, обычно предоставляет больше возможностей для материальной компенсации моральных переживаний, чем действующее на тот момент гражданское законодательство. Это может быть связано с тем, что уголовное право устанавливает ответственность за совершение преступлений, которые причиняют вред не только материальный, но и моральный. Поэтому в уголовном процессе существуют механизмы возмещения морального вреда и компенсации материальных потерь потерпевшим.

---

¹ Томсинов В. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. – М., 2016. – С. 2–3.

² Беляцкий С.А. Возмещение морального вреда. – СПб., 1913. – С. 53.

С другой стороны, гражданское право имеет свои особенности и регулирует отношения между гражданами или организациями, связанные с обязательствами, имуществом и т.д. Часто компенсация моральных переживаний в гражданском процессе связана с доказательством, что поклонник или иной нематериальный ущерб является результатом действий ответчика и свидетельствует о заведомо незаконном или несправедливом поведении.

В целом, вопрос об обеспечении компенсаций за моральные переживания в уголовном и гражданском судопроизводстве является сложным и требует тщательного анализа законодательства и судебной практики в конкретной стране. Однако можно сказать, что уголовное судопроизводство обычно предоставляет больше возможностей для материальной компенсации моральных переживаний, чем гражданское законодательство.

Общая норма для компенсации морального вреда была установлена только в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. и введенных в действие на территории Российской Федерации с 03 августа 1992 г.

Проблема компенсации морального вреда возникает в контексте нарушения прав и интересов граждан. Истоки этой проблемы можно отследить в Древнем Риме, где была разработана теория компенсации морального вреда.

Современное состояние института компенсации морального вреда отличается высоким уровнем правового развития. Во многих странах существует законодательство, регулирующее процесс компенсации морального вреда, а также сложились установившиеся правила и прецеденты, определяющие размеры компенсации.

Однако, несмотря на достижения, институт компенсации морального вреда все еще сталкивается с некоторыми проблемами. Например, определение размера компенсации остается сложной задачей. Кроме того, некоторые случаи морального вреда трудно поддаются финансовой оценке и компенсации может оказаться недостаточной для полного восстановления пострадавшего.

Другой проблемой является доступность компенсации морального вреда. В некоторых странах люди, страдающие от морального вреда, могут столкнуться с трудностями при обращении в суд и получении справедливых компенсаций.

Теоретические разработки на эту тему продолжаются, и существуют различные подходы к компенсации морального вреда. Некоторые исследователи аргументируют, что компенсация должна быть ориентирована на восстановление пострадавшего, а не только на наказание виновных. Другие предлагают использовать альтернативные способы компенсации, такие как помощь пострадавшим в психологической реабилитации.

Законодательное регулирование также остается важной частью развития института компенсации морального вреда. Необходима обновленная и точная законодательная база, которая будет соответствовать современным вызовам и требованиям общества.

В целом, историческое развитие института компенсации морального вреда свидетельствует о его значимости и необходимости для защиты прав и интересов граждан. Однако, дальнейшее развитие и совершенствование этого института требует учета современных вызовов и проблем, а также усиления теоретических и правовых основ.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Садикова Юлия Владимировна
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации принципа справедливости при постановлении приговора с участием коллегии присяжных заседателей. Проведен анализ характерных свойств приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, при наличии которых он признается соответствующим принципу справедливости.

Ключевые слова: принцип справедливости, назначение наказания, постановление приговора, судебное разбирательство, присяжные заседатели.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹ и в силу положений статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ) приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Он признается таковым, если соответствует требованиям уголовно-процессуального и уголовного законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления. Кроме того, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства.

---

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 07 декабря. 2016. № 277.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

Также Верховный Суд РФ указывает на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ и достижению целей наказания, как меры государственного принуждения, назначаемой по приговору суда. Согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного².

Вместе с тем, как указывает В.В. Ершов, «справедливость и право – различные и неоднородные социальные регуляторы правоотношений»³.

Уголовно-процессуальное понимание справедливости коренным образом отличается от нравственного и философского. Сложность и неоднозначность данной категории обусловлена особенностями трактования «справедливости» в зависимости от субъективных факторов. При производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей наибольшее значение приобретают неюридические аспекты: субъективный опыт, внутреннее убеждение, совесть, жизненные ценности присяжного заседателя. Эти факторы определяют принятие индивидуумом решений по уголовному делу. Так, например, В.С. Кувшинова⁴ справедливо отмечает, что человек, допускающий в принципе возможность безнаказанности, по его мнению, незначительных правонарушений, не может беспристрастно оценивать противоправный поступок другого лица, выступая в качестве присяжного заседателя.

Однако, фактические обстоятельства по делу, которые установлены приговором суда, постановленным на основании вердикта, вынесенного коллегией присяжных заседателей, не могут оспариваться сторонами. Такое ограничение обусловлено спецификой данной формы судопроизводства, поскольку закон наделил присяжных заседателей исключительными полномочиями по признанию, доказанными (либо недоказанными) всех фактических обстоятельств дела.

Вместе с тем, стоит отметить, что в соответствии с содержанием статьи 389.27 УПК РФ, «основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей либо в

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Российская газета. 29 декабря. 2015. № 295.

³ Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография. – М. : РГУП, 2021. – С. 281.

⁴ Кувшинова В.С. Проблемы реализации института суда присяжных в России / В.С. Кувшинова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 5. – С. 97.

порядке, предусмотренном главами 40 и 40.1 УПК РФ, являются основания, предусмотренные пунктами 2–4 статьи 389.15 УПК РФ»¹, а именно:

- существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- неправильное применение уголовного закона;
- несправедливость приговора.

При анализе законности и обоснованности приговора, во взаимосвязи с положениями статьи 389.15 УПК РФ, можно сформулировать вывод, что указанные свойства составляют самостоятельные основания отмены и (или) изменения судебного решения вышестоящим судом, в отличие от «справедливости приговора». Указанное свойство по смыслу части 2 статьи 389.18 УПК РФ, неразрывно связано с неправильным применением уголовного закона. Несправедливость итогового судебного решения понимается законодателем, как назначение судом наказания, которое не соответствует тяжести преступления, личности осужденного, либо наказания, которое, хотя и соответствует квалификации преступления, но по своему виду или размеру является несправедливым, как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

На данное обстоятельство указывали в своих трудах такие исследователи института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России как Т.Г. Бородинова², Н.Н. Ковтун³.

Обобщая сказанное выше, можно прийти к выводу, что принцип справедливости в суде находит свою реализацию в ходе рассмотрения дела, его разрешения и назначении наказания. Эти этапы его реализации неразрывно связаны и не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Так, несправедливость судебного разбирательства влечет принятие незаконного и неправосудного решения, и безусловно влияет на вопрос назначения наказания при постановлении приговора. Правильность применения уголовного закона при назначении наказания определяется справедливостью предшествующего производства по уголовному делу.

Особую сложность приобретает вопрос реализации принципа справедливости при постановлении приговора с участием коллегии присяжных заседателей. В указанной дифференцированной форме судопроизводства, не смотря на законодательное разделение компетенций профессионального судьи и коллегии присяжных, понятие несправедливости вердикта не рассматривается законодателем.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.03.2023).

² Бородинова Т.Г. Современные формы пересмотра приговоров в уголовном судопроизводстве России : монография. – Краснодар : Издательский дом «ХОРС», 2016. – С. 29.

³ Ковтун Н.Н. Апелляция, кассация, надзор: анализ содержания / Н.Н. Ковтун; Под общ. ред. доктора юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография : в 2 ч. – М. : Юрист, 211. – Ч. 1. – С. 82.

По смыслу части 2 статьи 345 УПК РФ вердикт коллегии присяжных заседателей должен быть ясным и непротиворечивым. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, выделенные в статьях 389.17, 389.25 УПК РФ в качестве специфических оснований отмены приговора, постановленного на основании вердикта, связаны с ограничением прав участников судебного разбирательства, повлиявшим на возможность представления доказательств либо на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание их ответов, а также с нарушением тайны совещания коллегии присяжных. Перечисленные основания отмены приговора указывают на несправедливость судебного разбирательства, влекущую несправедливый вердикт, и связываются законодателем с нарушением процессуальных норм. В вопросах квалификации деяния и индивидуализации наказания профессиональный судья, в соответствии с частью 3 статьи 348, статьей 349 УПК РФ, обязан учитывать содержание обвинительного вердикта.

Сложность реализации принципа справедливости, в том числе при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных, и при назначении наказания обусловлена еще и тем, что невозможно отделить справедливость как нравственную категорию, от справедливости в правоприменительной деятельности, справедливости в уголовном процессе, и в этом нельзя не согласиться с З.В. Макаровой¹.

С учетом сказанного, решение суда будет справедливым в том случае, если все участники судебного разбирательства по итогам судебного разбирательства будут уверены в его правильности принятого судом по основным вопросам уголовного дела.

Опираясь на нормы уголовно-процессуального и уголовного закона в их взаимосвязи, в качестве главных условий справедливости любого приговора, можно выделить адекватность мер, применяемых к лицу, обвиняемому в совершении преступления, порождаемым ими последствий для этого лица, и их соразмерность тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, при условии соблюдения баланса основных прав участников уголовного судопроизводства и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств.

В заключение представим основные выводы по заявленной теме. Специфика такого усложненного порядка постановления приговора, как судопроизводство с участием присяжных заседателей, отражается и на особенностях реализации принципа справедливости при постановлении приговора на основании вердикта, поскольку в указанной форме судопроизводства важное значение имеет высокая степень моральной и правовой ответственности за принятое решение у членов коллегии присяжных заседателей. Институт присяжных заседателей призван минимизировать субъективизм

---

¹ Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве / З.В. Макарова // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 7. – С. 54.

судьи, рассматривающего дело единолично, поскольку мнения членов коллегии присяжных разного социального статуса, образования, пола и возраста выступает в качестве повышенной гарантии беспристрастного и объективного рассмотрения дела.

В УПК РФ отсутствует понятие несправедливости вердикта, поскольку к данному виду решений законодатель предъявляет требования справедливости судебного разбирательства, не допускающего ограничение прав участников, которое может повлиять на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и на содержание данных ими ответов, а также требование о ясности и непротиворечивости вердикта. Сложность реализации принципа справедливости при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей обусловлена тем, что при принятии решения присяжные заседатели понимают справедливость как нравственную категорию, а профессиональный судья при постановлении приговора и назначении наказания руководствуется требованиями, предъявляемыми к справедливости в правоприменительной деятельности.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ

Смирнов Александр Витальевич

*Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,*

профессор кафедры уголовно-процессуального права,

Северо-Западный филиал,

ФГОУБВО «РГУП»,

г. Санкт-Петербург

Аннотация. В процессуальном доказывании существуют несколько уровней, включая информационный, логический и юридический. Последний предполагает использование формальных средств доказывания, среди которых наиболее экзотическим являются юридические фикции, которые обслуживают эффективность правоприменения, пусть даже и в отступление от принципа объективной (материально) истины. Фикции следует отличать от презумпций, субституций и других формальных средств доказывания. Они могут функционировать, как будучи прямо закрепленными в нормах закона (в данном случае, прежде всего, уголовного) – это легальные фикции, – так и на уровне устойчивого судебного-следственного обычая. Изучение фикций представляется необходимым в целях обеспечения адекватности и соразмерности применения этого острого правового инструмента.

Ключевые слова: уровни доказывания, формальная истина, формальные средства доказывания, юридические фикции, презумпции, субституции, правовой обычай.

Юридические фикции часто определяют как юридический приём, состоящий в намеренном признании факта существующим несмотря на то, что он заведомо не существует в реальности, либо в подмене существующего факта заведомо несуществующим. Этим фикции отличаются от презумпций, которые состоят в условном принятии за существующий факт того, что вероятно могло или может существовать в реальности. Поэтому презумпции могут быть опровергнуты путем доказательства реальности факта, а фикции нет. Фикции часто отождествляют с т.н. неопровержимыми презумпциями¹, однако это, на наш взгляд, смешение понятий, ибо единственная роль презумпций состоит в таком распределении в процессе правоприменения бремени доказывания, при котором в принципе всегда остается возможность их опровержения. В то же время фикции вовсе не предполагают необходимости и возможности их опровержения и, следовательно, неопровержимы, но в этом случае нет смысла применять к ним наименование «презумпции».

Из того обстоятельства, что фикции суть явления правомерные, иногда делают вывод, что не могут существовать фикции «как ложные сведения», ибо в праве нет ничего, кроме норм, а нормы не могут быть истинными или ложными². Представляется, что в таком рассуждении имеет место подмена тезиса – ведь речь идет не о ложности излагаемых в норме сведений (поскольку ложь есть лишь злонамеренное извращение реальности с целью ввести кого-то в заблуждение), а об их намеренно допускаемом правотворцем несоответствии действительности, каковое имеет своей целью облегчить правоприменение ценой соразмерного отступления от реальности в пользу т.н. формально-юридической истины.

Вместе с тем иногда имеется искушение выдать за фикции некоторые правовые нормы, которые на самом деле фикциями не являются: например, те, которые повышают или, напротив, снижают уровень юридической ответственности в зависимости от таких факторов, как смягчающие или отягчающие ответственность обстоятельства, рецидив, служебное положение виновного, истечение сроков давности и т.д. – на том основании, что в действительности они могут изменять, а могут и не изменять в ту или иную сторону саму степень общественной опасности деяния, тогда как такое гипотетическое изменение во всех случаях принимается за реально существующий факт и влияет на степень ответственности. Однако на это следует возразить, указав, что там, где сохраняется хотя бы какая-то вероятность реального существования факта, фикции не может быть по определению. В названных случаях имеют место не фикции и не презумпции, а юридические нормы, которые ради удобства правоприменения предписывают не замечать некоторое различие между возможной вариабельностью степени

---

¹ См.: Гурвич М.А. Доказательственные презумпции в советском гражданском процессе / М.А. Гурвич // Советская юстиция. – 1968. – № 12. – С. 10.

² См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 320.

общественной опасности и предлагаемым юридическим фактом, то есть подставляют один вместо другого, причем подставляемый факт продолжает выполнять функцию замещаемого им обстоятельства. Однако это допущение делается открыто, без объявления существующим одного факта вместо другого, как это имеет место в случае фикции. В таких случаях, на наш взгляд, следует говорить о другом классе формальных средств доказывания, которые мы называем *субституциями*¹.

Однако можно ли считать фикции средством доказывания? Если включать в понятие доказывания не только информационный и фактический уровни, основанные на собирании, проверке и оценке доказательств, но также и юридический уровень обоснования фактического состава дела, оперирующий формально-юридическими конструкциями, то это, безусловно, средства доказывания, ибо позволяют утверждать, что искомый факт существует – по крайней мере, в юридическом смысле.

Ярким примером юридической фикции может служить легальная (т.е. прямо закрепленная в законе) *фикция умысла при двойной форме вины*. Как установлено статьей 27 УК РФ, если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом же такое преступление признается совершенным умышленно. То есть заведомо неосторожная часть преступления открыто признается умышленной, что есть не что иное, как юридическая фикция. Это исключение из общего правила о том, что деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением, только если это специально предусмотрено в Особенной части (ч. 2 ст. 24 УК РФ).

Еще одна очевидная уголовно-правовая фикция – это легальная фикция насильственного характера полового сношения и иных действий сексуального характера, а также развратных действий с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста. Вообще, в отличие от изнасилования (ст. 131 УК РФ) и иных насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), при т.н. иных действиях сексуального характера (ст. 134 УК РФ), а также развратных действиях (ст. 135 УК РФ) насильственный способ совершения преступления отсутствует. Однако согласно примечанию к ст. 131 УК РФ к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой этой статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132, приравнены деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей – пятой статьи 134 и частями второй – четвертой статьи 135

---

¹ См.: Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 237.

этого же Кодекса, то есть *заведомо ненасильственные* действия, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, – на том лишь основании, что «такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий». Однако сами по себе беспомощность и неосознание малолетним характера совершаемых с ним действий не равнозначны их насильственному характеру, ибо это объективно различные обстоятельства. Фактически, насильственным здесь объявляется деяние, которое заведомо относится к категории ненасильственных преступлений.

Легальной фикцией – процессуальной по местоположению и материально-правовой по сути – является право реабилитации, понимаемое в гл. 18 УПК РФ как право на возмещение вреда, декларируемое в отношении любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Таким «реабилитированным» может быть признан, в том числе подозреваемый или обвиняемый, который был подвергнут, например, незаконному задержанию, мере пресечения и т.д., несмотря на то, что в отношении него не было вынесено реабилитирующего его решения, напротив, он был осужден.

Иногда фикции в уголовном праве существуют в неявной форме и могут быть квалифицированы лишь с учетом сложившейся практики. Так, например, при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать *имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др.* Если ущерб, причиненный в результате кражи, не превышает указанного размера либо ущерб не наступил по обстоятельствам, не зависящим от виновного, содеянное может квалифицироваться как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину *при условии, что умысел виновного был направлен на кражу имущества в значительном размере*¹. Однако крайне трудно себе представить, чтобы лицо, совершающее кражу, в момент совершения этого преступления осознавало все указанные выше сведения о потерпевшем, его имущественном положении, т.е. факт значительности причиняемого ущерба. По сути, здесь в доказывании используется даже не презумпция (потому что практически она никогда не опровергается), а существующая на уровне судебного следственного обычая фикция такого осознания.

По сути, фикцией, также существующей на основе судебного обычая, является установление умысла врача на убийство в случае эвтаназии. Согласно УК РФ лица, умышленно причинившие смерть другому человеку, в

---

¹ Пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002г. № 29 (ред. от 23.12.2010). О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое.

т.ч. по просьбе потерпевшего, подлежат уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ за совершение убийства. При этом подлежит учету обстоятельство, смягчающее наказание, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 61 Общей части УК РФ, если это деяние было совершено по мотивам сострадания к потерпевшему. В ст. 45 «Запрет эвтаназии» Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Однако при «убийстве из сострадания», когда уже нет способов спасти больного, испытывающего невыносимые мучения, врач или другое лицо, причиняющие ему безболезненную смерть, не считают, что их действие или бездействие общественно опасно. Напротив, они искренне полагают это актом истинного милосердия, а значит, умысла, необходимым элементом которого должно быть осознание общественной опасности своего поведения, у них фактически нет. Это означает, что умысел исполнителя в случае эвтаназии лишь предполагается, хотя на самом деле он заведомо отсутствует.

Существование в праве юридических фикций (равно как и иных формальных средств доказывания) – это не плохо и не хорошо. Это упрямый факт, за которым, следовательно, стоит объективная потребность правового регулирования. Она исходит из различных интересов правового регулирования: процессуальной экономии, обеспечения неотвратимости ответственности, наконец, имеющих в обществе представлений о публичной справедливости и т.д. Изучение данного феномена необходимо, и главным образом для того, чтобы обеспечить адекватность, соразмерность и пропорциональность применения этого специфического правового инструмента.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУД КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПОРЯДОК И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО НАРУШЕНИЯ

Стрельникова Каролина Владимировна
мировой судья судебного участка № 295
Лобненского судебного района Московской области,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права,
ФГБОУВО «РГУП», г. Москва

Аннотация. Судебная защита, осуществляемая в рамках производства по уголовному делу, в случае ее неэффективности на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции может осуществляться

посредством использования механизма проверки и пересмотра приговора или иного итогового акта в судах вышестоящих инстанций, в том числе и в кассационной. В связи с этим актуализируется вопрос о своевременности и качестве подготовки материалов уголовного дела для передачи их в суд кассационной инстанции. Основным аспектам этой подготовки и посвящена настоящая статья. Автор приходит к заключению, что неоднократные нарушения порядка производства судом первой инстанции подготовительных действий для передачи уголовного дела в суд кассационной инстанции могут влечь необоснованное увеличение межстадийного срока судопроизводства за счет неоднократного возвращения уголовного дела в суд первой инстанции, что может служить основания для вынесения судом кассационной инстанции частного определения в адрес нижестоящей судебной инстанции.

Ключевые слова: Суд, уголовное судопроизводство, подготовительные действия суда, кассационная инстанция, межстадийный процессуальный срок, частное определение.

Вопросы качественного осуществления правосудия по уголовным делам относятся к наиболее актуальным. Правосудность приговоров и иных итоговых судебных решений, постановленных судами первой инстанции, может быть проверена вышестоящими судебными инстанциями в порядке кассационного производства. В этом случае обращение к анализу качества постановленных судебных решений происходит на уровне ведомственного контроля. Результат этого контроля в плане его оперативности во многом зависит от того насколько грамотно, с соблюдений всех требований уголовно-процессуального законодательства, судом первой инстанции будет подготовлено и направлено уголовное дело в вышестоящий суд.

Этот вопрос имеет большое практическое значение, поскольку для заинтересованных участников уголовного судопроизводства, инициирующих процедуру пересмотра судебного решения, крайне важно, чтобы их жалоба (представление) были своевременно направлены в вышестоящую судебную инстанцию, так как от этого напрямую зависит оперативность восстановления нарушенного судебным решением права участника судопроизводства. Заметим, что в науке обоснованно отмечено, что существующая «...процедура подготовки дела к рассмотрению судом кассационной инстанции не отвечает требованиям разумности сроков уголовного судопроизводства, а потому требует корректировки»¹.

Предшествующим направлению кассационных обращений этапом уголовно-процессуальной деятельности является этап подготовительных действий суда первой инстанции. По сути, этот этап уголовно-процессуальной деятельности суда является вспомогательным, не являющимся элементом ни стадии судебного разбирательства, ни стадии кассационного производства, в сущности, его можно определить, как межстадийный.

---

¹ Спиридонов М.С. О подготовительных действиях суда кассационной инстанции / М.С. Спиридонов // Russian Journal of Criminal Law. – 2019. – № 13. – С. 95.

Как следует из нормативных предписаний, содержащихся в статьях 401.1–401.4, 401.7 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации¹, помимо непосредственно законодательно установленных требований, разъяснения по данному вопросу содержатся и специальном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации»², из которых следует, что отдельные процессуальные действия по подготовке судебного заседания суда кассационной инстанции отнесены к компетенции суда первой инстанции.

На законодательном уровне закреплён ряд формальных требований, выполнение которых, по обоснованному мнению, А.С. Омаровой «делает понятной позицию заявителя не только для судьи суда кассационной инстанции, судьи-докладчика, суда кассационной инстанции, но и для процессуальных «оппонентов» заявителя»³.

Нарушение требований к оформлению, порядку подачи, в меньшей степени к содержанию, являются основанием для возвращения кассационного обращения в суд первой инстанции с требованием выполнить отдельные процессуальные действия по подготовке судебного заседания в суде кассационной инстанции. При поступлении кассационной жалобы, равно как и кассационного представления, суд первой инстанции должен проверить полномочия субъектов обжалования, срок обжалования и выяснить факт рассматривалось ли дело в апелляционном порядке. А затем уже перейти к анализу содержания кассационного обращения.

На основании ст. 401.4 УПК РФ кассационные жалоба, представления в своем содержании должны содержать следующие информационные компоненты:

- 1) наименование суда кассационной инстанции, в который направляется жалоба/представление;
- 2) сведения о лице, подающим кассационное обращение, с указанием его процессуального статуса, места жительства или местонахождения;
- 3) информация о судах, рассматривавших ранее данное уголовное дело в судах первой, апелляционной или кассационной инстанций;
- 4) содержание ранее принятых решений по уголовному делу;

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

² О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 // Российская газета. 03 июля. 2019. № 142.

³ Омарова А.С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2015. – С. 89.

5) указание на допущенные нижестоящими судебными инстанциями существенные нарушения норм уголовно-процессуального и (или) уголовного закона, повлиявшими на исход дела;

б) доводы, свидетельствующие о существенных нарушениях уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела;

7) просьбу лица, подающего кассационное обращение.

В случае, когда кассационные жалоба, представления отвечают нормативным требованиям и поданы в соответствии с правилами, установленными ст. ст. 401.1–401.4 УПК РФ, судья первой инстанции обязан известить участников уголовного судопроизводства о поступивших в суд кассационных жалобе, представлении с разъяснением им права подачи возражений, с указанием срока, в течение которого они могут заявить свои возражения. Срок на подачу возражений, по общему правилу составляет 10 суток со дня получения кассационных жалобы, представления.

Одновременно с извещением заинтересованным лицам направляются копии поступивших жалоб, представления. Поступившие на кассационные жалобы (представление) возражения заинтересованных лиц приобщаются к материалам уголовного дела, а их копии направляются сторонам.

Если же возражения, равно как и дополнения к кассационным жалобе (представлению), поступят уже после направления уголовного дела в суд кассационной инстанции, суд первой инстанции должен об этом незамедлительно уведомить кассационный суд с одновременным направлением оригиналов возражений или дополнений к кассационным ходатайствам, а также извещением о направлении их копий сторонам.

Следует обращать внимание на особенности кассационного производства, состоящие в праве суда кассационной инстанции ревизионным методом проверить уголовное дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, не обжаловавших судебное решение. Из этого логично следует обязанность судьи первой инстанции извещать о поступившем кассационном обращении всех заинтересованных участников уголовного процесса.

В целях скорейшего извещения заинтересованных лиц, не содержащихся под стражей, судьям необходимо использовать возможности специализированного интернет-ресурса, предоставляющего комплекс услуг по обработке и передаче СМС-сообщений от судов абонентам, находящегося по адресу: <http://websms.ru>. Однако необходимо учитывать, что оповещение посредством СМС-сообщений допускается только в случаях согласия с этой формой участниками судопроизводства с данной формой извещения и при фиксации фактов отправления и доставки СМС-сообщений адресату.

В связи с чем суд первой инстанции обязан при подготовке к направлению уголовного дела в суд кассационной инстанции по каждому конкретному уголовному делу отбирать подписку у потерпевших, заинтересованных лиц и лиц, не содержащихся под стражей, о согласии на уведомление их путем СМС-сообщений, с указанием номера мобильного телефона, на который будет отправляться СМС-сообщение.

Судам первой инстанции следует учитывать, что лицо считается надлежащим образом, уведомленным о принесении кассационной жалобы или представления только в том случае, если в деле имеется его собственноручная расписка об этом либо отчет об СМС-уведомлении при его согласии на СМС-оповещение.

Следующим этапом является разрешение судом ходатайств лиц, связанных с их участием в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В соответствии с нормативными уголовно- процессуальными требованиями судья первой инстанции обязан выявить мнение у лиц, содержащихся под стражей, о следующем:

- 1) желают ли они лично участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции;
- 2) нуждаются ли они в помощи профессионального защитника;
- 3) в случае отказа от защитника – оформлен ли данный отказ в письменной форме;
- 4) разъяснено ли лицам, подлежащим извещению о предстоящем кассационном разбирательстве, право на использование систем видеоконференцсвязи.

Только после выяснения и получения положительного результата по названным вопросам судья суда первой инстанции на основании п. 3 ст. 401.7 УПК РФ может направлять в адрес суда кассационной инстанции материалы уголовного дела с поступившими кассационными жалобой, представлением и возражениями на них. После направления уголовного дела с названными кассационными обращениями судья первой инстанции обязан уведомить об этом стороны уголовного процесса.

Как уже говорилось выше, нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, определяющего порядок направления судьей уголовного дела с поступившими кассационными жалобой, представлением и возражениями на них влечет его возвращение в направивший его суд. Это негативно сказывается на разумном сроке уголовного судопроизводства, не говоря уже о необоснованном затягивании процесса восстановления нарушенных неправомерным решением прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс. На практике имеют место случаи неоднократных возвращений судом кассационной инстанции жалоб в суд первой инстанции как поданных с нарушением уголовно-процессуального закона.

И в данном случае, полагаем, что суд кассационной инстанции будет вправе реализовать свое полномочие на вынесение частного определения, предусмотренное ч. 4 ст. 29 УПК РФ, поскольку судом нижестоящей инстанции будет нарушен предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок направления судьей уголовного дела с поступившими кассационными жалобой, представлением в суд кассационной инстанции.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ (КИС АР) В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТОВ, НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Тарасов Анатолий Вячеславович
Заслуженный юрист Кубани,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар

Аннотация. В статье затронуты основные проблемы внедрения комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) в деятельности адвокатов. Рассматривается практика использования, автоматизированного (электронного) распределение поручений по назначению адвокатам в Краснодарском крае.

Ключевые слова: цифровые технологии, следователь, адвокат, суд, уголовное судопроизводство, комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР).

Эффективная защита на досудебной стадии ведет к соблюдению законности, прав личности в уголовном процессе, уважению к человеку, гражданину и исключению коррупционных проявлений со стороны должностных лиц осуществляющих уголовное судопроизводство. Необходимо совершенствовать систему распределения дел по назначению адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ.

Использование цифровых технологий при назначении защитников одно из перспективных направлений уголовного судопроизводства. Непрозрачность процесса выбора защитников по назначению органами дознания, следствия и суда, создает коррумпированную связку субъектов уголовного судопроизводства и отражается на качестве всего процесса, сопровождаемого зачастую нарушением прав и свобод подозреваемых, обвиняемых или подсудимых.

Так, например, Следственное управление СК России по г. Архангельск было возбуждено уголовное дело о сговоре следователя и адвоката по назначению. В мае 2019 года, по данным УФСБ, член областной АП Архангельской области Сергей Сатаев, являясь адвокатом по назначению, договорился со следователем УМВД России по Архангельску Максимовым, что фактически не будет оказывать юридическую помощь подзащитному и не примет участия в следственных действиях. В зависимости от роли каждого следователь и адвокат были привлечены к уголовной ответственности

за фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении (ч. 3 ст. 303 УК РФ), служебный подлог (ч. 2 ст. 292 УК РФ), и превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Адвоката привлекают, помимо прочего, к ответственности за незаконное полученное из бюджета вознаграждение, т.е. за мошенничество, совершенном лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ)¹.

Интересный опыт реализован в Адвокатской палате Санкт-Петербурга, где созданы условия для ограничения лично-служебных связей «молодых» адвокатов. Глава Адвокатской палаты Евгений Семеняко сообщил, что советом АП Санкт-Петербурга принят новый порядок допуска к работе по назначению адвокатов, в прошлом являвшихся сотрудниками правоохранительных органов. «Теперь такие адвокаты будут допускаться к работе по назначению только спустя три года с момента увольнения из органов, – цитирует его сайт палаты. – А также после прохождения специального обучения и собеседования с комиссией по назначению»².

02 декабря 2019 года в Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» были внесены кардинальные изменения порядка назначения защитников в уголовном судопроизводстве. С марта 2021 года в соответствии с указанными изменениями все адвокатские палаты обязаны были перейти на автоматизированное (электронное) распределение поручений по назначению.

Адвокатура России, являясь одним из центров юридических услуг страны, приступила к внедрению Комплексной информационной системы адвокатуры России (далее – КИС АР), по результатам которого, она должна интегрировать с информационными системами правоохранительных органов, судебной системы, судов, и других государственных органов.

Целью является переход адвокатуры на электронный(цифровой) документооборот с государственными информационными системами (Минюст России, ФСИН России, ГАС «Правосудие», ФНС России и другими), при этом охраняя информационную стабильность и независимость адвокатуры.

Адвокатские палаты Москвы и Санкт-Петербурга, а также значительной части экономически развитых регионов России, уже длительное время успешно работают в режиме автоматизированного (электронного) распределения поручений по назначению адвокатов в судопроизводстве.

В Адвокатской палате Ростовской области использование автоматизированной информационной системы АПРО (АИС АПРО) для приема уведомлений от инициаторов назначения защитника и последующего

---

¹ УФСБ разоблачило сговор следователя и адвоката по назначению. – URL : <https://legal.report/ufsb-razoblachilo-sgovor-sledovatelja-i-advokata-po-naznacheniju> (дата обращения 14.09.2022 г.)

² АП Петербурга ужесточила требования к адвокатам – «бывшим сотрудникам». – URL : <https://advstreet.ru/news/ap-peterburga-uzhestochila-trebovaniya-k-advokatam-byvshim-sotrudnikam> (дата обращения 02.10.2022.)

распределения между адвокатами поручений для участия в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве на территории Ростовской области внедрено с 01 марта 2021 года¹.

Во исполнение утвержденных решением Совета АПКК от 24.06.2022 года «Правил Адвокатской палаты Краснодарского края по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года», было принято решение о внедрении комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) для приема уведомлений от инициаторов назначения защитника или представителя и последующего распределения между адвокатами Краснодарского края поручений для участия в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве на территории Краснодарского края. К сожалению, в Краснодарском крае информационная система КИС АР внедрена только 07 ноября 2022 года!!!

Более трех лет в регионе действовала система распределения заявок через координаторов (руководителей адвокатских образований), изначально порочная в силу ее субъективного характера. В настоящий момент наблюдается сложный период «притирки», связанный с внедрением комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) в Адвокатской палате Краснодарского края. Еще сохраняется «закостеневшее» отношение к порядкам назначения адвокатов существовавшим ранее. В многих субъектах региона, как и на Кубани имеет место саботирование внедрения КИС АР со стороны правоохранительных органов и судов. В деятельности судов данный процесс носит субъективный характер, мировые судьи в основной массе используют старые схемы работы с адвокатами. Что в значительной степени свидетельствует о межведомственной несогласованности и недоработке механизма правового регулирования в указанной сфере. И указанное неприятие автоматизированного (электронного) распределения поручений адвокатам присутствует на фоне признания и одобрения со стороны руководства заинтересованных уполномоченных органов, которое прозвучало на межведомственном совещании 25 марта 2021 года. Совещание было организовано Министерством юстиции России и Федеральной палатой адвокатов РФ при участии представителей всех силовых министерств и ведомств, а также Судебного департамента при Верховном суде РФ.

С учетом этого возникает острая необходимость в настоящее время активизации пользования государственных порталов, трансформация отношений вытекает в платформиризацию.

Платформиризация системы цифрового пространства в деятельности адвокатов требует обеспечения ряда условий организационного, правового,

---

¹ О внедрении автоматизированной системы распределения дел по назначению. – URL : <https://apro.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apro/resheniya-soveta-ap-ro/o-vnedrenii-avtomatizirovannoy-sistemy-raspredeleniya-del-po-naznacheniyu> (дата обращения 25.10.2022).

социального характера. В настоящий момент КИС АР размещена на технологической платформе «SberCloud» уже работает и доступна для скачивания на любые цифровые устройства (смартфоны, ноутбуки, компьютеры и т.д.). Адвокаты Краснодарского края проходят несложную процедуру регистрации и получают поручения правоохранительных органов (органов следствия и дознания) и судов по территориальному принципу.

Система формирует электронные ордера которому присваивается QR-код. Стоит отметить, что в настоящий момент не отлажена система использования указанных ордеров. Органы расследования и суды требуют от адвокатов бланки ордеров (выданных адвокатским образованием), как рудимент «хвоста прошлого», и пока не готовы от них отказываться.

Появление электронных ордеров (в распечатанном виде) в материалах уголовных дел, должно стать благом в уголовном судопроизводстве, так как позволит отсеять недобросовестных адвокатов, нарушающих порядок получения поручений по назначению защитника в уголовном процессе. Еще одной превентивной мерой нарушения порядка назначения защитников (представителей) может стать контроль бланков ордерных книжек. Подобный порядок уже длительное время действует в Адвокатской палате Санкт-Петербурга, где выдача новых ордерных книжек и прием корешков использованных ордеров производится в Центре по назначению. Введение подобных правил позволяет через Колл-центр АП Краснодарского края проводить ревизию использованных ордеров адвокатами.

Кроме того, другой проблемой является использование следователями (дознателями) тактических приемов для недопуска «неудобных» адвокатов к участию в деле. Становится привычным отмена поручения с последующей повторной заявкой. Замена назначенных защитников в нарушение действующего порядка, путем направления повторных заявок в КИС АР.

Сохраняются проблемы «двойной защиты», участие в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений.

Как верно отмечает Е.Н. Калачева: «Внедрению автоматизированных систем назначения адвокатов способствует не только борьба с «карманными адвокатами», но и в значительной мере недопущение произвола в действиях органов дознания, следствия или суда»¹.

В п. 3.5 «Правил Адвокатской палаты Краснодарского края по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном

---

¹ Калачева Е.Н. Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения: вызовы цифровизации / Е.Н. Калачева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 11(75). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-advokata-zaschitnika-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-i-vozmozhnye-puti-resheniya-vyzovy-tsifrovizatsii> (дата обращения 05.04.2022).

судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года», утвержденных решением Совета АПКК от 24.06.2022 года, закреплена «Принцип централизации и информатизации», согласно которого использование автоматизированной информационной системы исключает влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами. Остается надеяться, что заложенные принципы будут неукоснительно соблюдаться.

В данный момент продолжается доработка АС КИС АР, намечается доработка финансового блока, обеспечивающего, как и электронный обмен документами между адвокатами и уполномоченными органами, так и полный учет статистический контроль всех платежей адвокатов по назначению, а также контроль размера задолженности уполномоченных правоохранительных органов и судов по выплате гонораров адвокатам по назначению, что положительно должно отразиться на оказании юридической помощи.

Президент Федеральной палаты адвокатов Юрий Пилипенко сообщил об активном внедрении Комплексной информационной системы адвокатуры: «Мы можем гордиться и тем, что идем в ногу со временем в вопросах цифровизации: на сегодняшний день Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР) является самым масштабным LegalTech-проектом в нашей стране. Путем интеграции с информационными системами органов юстиции, судов, правоохранительных и иных государственных органов КИС АР станет частью системы цифровой экономики России»¹.

Подводя итог, следует отметить, что в вопросах, формирования цифрового пространства в деятельности адвокатов по уголовным делам, возникает масса проблемных аспектов реализации правовых норм.

Для решения многих вопросов потребуется правовое регулирование и соответствующая техническая поддержка. Запаздывание в сфере развития цифровой связи во многих областях становится очевидным. Как организационные, так и процессуальные аспекты адвокатской деятельности требуют особого внимания и нормативной регламентации.

---

¹ Цифровая система адвокатуры будет интегрирована с судами и правоохранительными органами. – URL : <https://rg.ru/2022/05/31/cifrovaia-sistema-advokatury-budet-integrirovana-s-sudami-i-pravoohranitelnyimi-organami.html> (дата обращения 01.06.2022).

Научное издание

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И КРИМИНАЛИСТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции**

(12 октября 2022 г.)

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – И.И. Фоменко
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 17.11.2023

Бумага «Снегурочка»

Печ. л. 5,8

Усл. печ. л. 5,4

Уч.-изд. л. 4,9

Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать трафаретная

Изд. № 1341

Тираж 80 экз.

Заказ № 2492

ООО «Издательский Дом – Юг»

350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3

тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://id-yug.com>